

«Я вижу молнии из мглы. И – морок мраморного грома». Андрей Белый

ПО

ЖУРНАЛ

№ 4 (66)

2015

ЭТО

ПОД
МРАМОРНЫМ
НЕБОМ

Композиция Андрея
Александрера.

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Тайны Пергамского алтаря

Композиция Андрея Александера.

Пергамский алтарь — как бутылка с посланием, брошенная в океан времени. У древних греков не было интернета и жестких дисков. Всю информацию, космогонию и философию они вложили в мрамор. Если умело прочитать Пергамский алтарь, мы поймем, что в древности люди знали о мире где-то меньше, а где-то и больше нас. Мы доверились цифрам, они — Богам.

Довериться Богам решил актер-мим, художник Андрей Александер, живущий в Германии. Именно там, в Берлинском Пергамском музее, выставлен оригинал этого памятника. Гигантское культовое сооружение было построено во II веке до нашей эры.

До наших дней дошли лишь фрагменты скульптурного фриза — борьба олимпийских Богов с Гигантами. Для фотографий своей инсталляции на роль Богов и Гигантов Александер пригласил моделей. Главным требованием было атлетическое телосложение. Не запутаться в сложной иерархии греческих богов художнику помогали историки и искусствоведы, специалисты по античному искусству и мифологии.

Сам автор говорит, что проект реконструкции алтаря является продолжением его профессии актера: «Для меня почему это еще

очень близко — потому что это большая вырезанная из камня пантомима. Я мим, я режиссер, и для меня это спектакль. Мне захотелось его продлить. Он как бы закончился на ноте, что все разрушено. Мне показалось, что вот этот спектакль можно продолжить».

Когда он предложил Пушкинскому музею сделать выставку своей реконструкции, в музее долго не решались на этот эксперимент. «Надо вам сказать, что, когда я получила предложение от художника, у меня были сомнения вообще в дозволенности дотронуться до этого памятника и как-то начать с ним манипулировать», — призналась тогда директор Пушкинского музея Ирина Антонова. Только после долгих раздумий и официального разрешения Берлинского Пергамского музея в Пушкинском решили рискнуть. В апреле 2013 г. в Греческом зале открылась экспозиция «Гиганты против богов. Вторая жизнь Пергамского алтаря».

В июле 2015 г. в Музее архитектуры мы увидели не просто инсталляцию, а музыкальный, поэтический, пластический спектакль, созданный Андреем Александером. Вот мы и решили посвятить номер Пергамскому алтарю, Древней Греции, античности.

**Константин Кедров
в Пальмире 1991 года**

**Троянские мелодии
Василия Бетаки**

**Пергамский алтарь
Андрея Александера**

**Античные черепки
от Сергея Бирюкова**

**Аза Алибековна Тахо-Годи
о красоте в античности**

**Нить Ариадны
и Елены Кацюбы**

**Мargarita Аль:
«Зачем нам легкий путь
прямых углов»**

**Леда, лебедь и лилия
от Лидии Григорьевой**

**Палиндромная поэма
Александра Бубнова**

В античном мире гостили

2-5. Константин Кедров
6-12. Андрей Александер
13. Аза Тахо-Годи
14. Василий Бетаки
15. Сергей Бирюков,
Александр Лысенко,
Дмитрий Смирнов-Садовский
16. Галина Мальцева,
Ольга Ильницкая
17. Елена Кацюба
18. Margarita Аль
19. Кристина Зейтунян-Белоус,
Александр Карпенко
20-24. Эсфирь Коблер,
Кристина Зейтунян-Белоус
25. Кира Сапгир, Елена Зейферт,
Кристина Зейтунян-Белоус
26-27. Лидия Григорьева
28-29. Александр Бубнов
32. Борис Бартфельд,
Владимир Аристов,
Андрей Баранов

33. Александр Петрушкин,
Галина Мальцева
34. Варвара Черковская
35. Семен Гурарий
36. Татьяна Зоммер, Игорь Балюк
37. Александр Смир, Галина Мальцева
38-39. Артур Вафин, Андрей Балабуха
40. Михаил Гардубей,
Анатолий Кудрявицкий
41. Вячеслав Куприянов,
Олег Фёдоров
42-43. Юлия Андреева,
Олег Фёдоров, Галина Климова
44-45. Анри Абриль, Лена Де Винне,
Марина Тарасова,
Олег Фёдоров,
Александр Князев
46-47. Ирина Силецкая,
Елена Кацюба
48-49. Татьяна Бонч-Осмоловская,
Галина Мальцева
50. Николай Ерёмин, Олег Фёдоров

51. Дмитрий Цесельчук,
Серафим Введенский
52. Александра Заболотская
53. Нина Маркграф, Артём Савельев,
Олег Федоров
54. Елена Атланова, Сардор Азизов,
Игорь Крестьянинов
55. Олег Федоров
56. Алла Ивашинцова,
Александр Федулов,
Кристина Зейтунян-Белоус
57. Ольга Журавлева, О'Санчес,
Александр Гумённый
58. Татьяна Виноградова,
Елена Атланова, Наталья Рожкова,
Сардор Азизов
60. Виктор Коллегорский, Sofa King,
Владимир Монахов
61. Алиса Клио, Евгений Степанов
62. Юрий Любимов,
Константин Кедров,
Виктор Великжанин

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Мару – маф

Тайный язык богов

Я пересматриваю решительно
Всё что печально и не утешительно
Вот и Гомер как-то пересмотрел
Битву Троянскую с тучами стрел
Он это сделал или не он
Или не или возник Илион
Всё возникает во что мы поверили
Душу доверили сердце доверили
В битву он всматривался решительно
Битва смотрелась неутешительно
И разместил он над битвой Богов
На расстоянии в 300 шагов
Бьются герои а Боги на небе
Мечут и мечут на каждого жребий
Боги галдят и над битвою гам
Смертным бессмертно и смертно Богам

В занавесь неба давно не подсматриваю
Но пересматриваю всё пересматриваю

И все-таки, как древние обходились без компьютера? Как удавалось им сохранять в памяти тысячи имен богов, титанов, нимф, героев со всеми подробностями их небесной и земной жизни? Дело в том, что на самом деле такой компьютер у древних был. Это звездное небо, великолепный дисплей, где каждое созвездие, каждая яркая звезда или планета, двигаясь от заката к рассвету, в течение многих и многих ночей изображают деяния богов и героев.

Звездный конь Пегас ударил копытом, и из земли забил источник, возле которого собираются нимфы – покровительницы разных наук и искусств.

Бог времени Хронос, он же Кронос, он же Сатурн, медленнее всех других видимых планет совершает по небу свой старческий обход.

Античные Боги
Свирепы и строги
Богини античные
Весьма симпатичные

Блудница Афродита, она же Венера, соединяется время от времени со всеми планетами. На то она и блудница. А что вытворяет Луна, она же Селена, она же Диана, и вовсе неопишимо. Почему, не соединяясь ни с кем, сия девственница то беременеет – в дни полнолуния, то охотится, стреляя из лука-полумесяца, целясь то вправо, то влево, сегодня никто не может внятно ответить.

Звезды подсказали людям сюжеты «Илиады», «Одиссеи» и Библии или люди перекодировали свои фантазии на язык звезд, планет и созвездий? При желании и Гамлета можно изобразить в виде раннего месяца, въезжающего в звездный Эльсинор и погибающего там же на небе в образе убывающей луны.

Боги научили людей быть бессмертными
умирая
Люди научили Богов быть смертными
не умирая

В нашем языке космос и хаос сплелись в единое целое. Космос означает упорядоченность, красоту и даже косметику. Хаос подсказал человеку новое слово – газ, где молекулы ведут себя хаотично. Самый верхний позвонок, на котором держится голова, называется «атлант». Тот самый Атлас, который держит на плечах глобус звездного неба. На небе солнце, а в центре человеческого тела солнечное сплетение.

Астрономия, астрология, анатомия – все переплетено. Деревья уходят корнями в землю, а кроной в небо. Человек уходит в небо и корнями, и кроной. Он мыслит с помощью звезд, планет и созвездий. Впрочем, созвездий нет. Человек создает их силой воображения, произвольно соединяя в стройные геометрические рисунки звезды, ничем не связанные между собой и отстоящие друг от друга на гигантские, невообразимые расстояния. При средней продолжительности жизни в 70 лет человек за один миг может окинуть взглядом вселенную, которая насчитывает миллиарды световых лет.

Фет называл звезды иероглифами мечты. Мифы Древней Греции, конечно, не похожи на космологию Ньютона или на теорию относительности Эйнштейна. Но кто знает, что скажут об этом люди через 2-3 тысячи лет. Возможно, что к тому времени сказание о Хроносе, оскпившем своих сыновей, и о бунте Зевса – Юпитера против отца – Сатурна сольются с формулами Эйнштейна, и школьники будут путать Ахиллеса с Ньютоном или Эйнштейна с Персеєм. В конечном итоге, мифы Древней Греции были такой же попыткой проникнуть в тайны вселенной и упорядочить хаос, как закон всемирного тяготения, открытый, а правильнее сказать, придуманный Ньютоном.

Если Космос не Я
То и Я – не Космос

Древние греки не сомневались, что им известно о мире все, если они знали наизусть «Илиаду» и «Одиссею». Мы же, чем больше узнаем, тем больше убеждаемся в собственном неведении о смысле человеческой жизни и устройстве мироздания.

Голод мысли неутолим
Насыщение – глупость
Катарсис – обновление чувства
Или – перезагрузка

Греки поручили трем звездам – трем нимфам ткать, отмерять и перерезать нить судьбы. Эти три капризные дамы и в мифологии, и в жизни ведут себя крайне непоследовательно и истерично. Никто

не знает, в какой момент ножницы пережрут тонкую нить. Перед судьбой бессильны и Ньютон, и Эйнштейн. Греки это очень хорошо понимали и в этом смысле были намного умнее нас.

Вселенная устроена таким образом
Что сама себя забывает
Человек – это воспоминание мироздания о себе
Мироздание – это память мира о человеке

Греческие боги не в силах изменить судьбу или жребий. От людей их отличает то, что им этот жребий хорошо известен. И еще боги в отличие от людей бессмертны, но почему-то бессмертие не делает их счастливее.

Пальмира

Поэма ниши. 1991 г.

Сегодня интерес к древней мифологии нарастает в геометрической прогрессии. Многие склонны предполагать, что древние обладали знаниями, которые мы утратили. Фрейд предложил свою разгадку мифа об Эдипе, и это сразу произвело целую революцию в психологии. Что же будет, когда другой гений разгадает не один миф, а хотя бы десяток? Человечество просто станет другим. Одни считают, что мифы ведут нас к самопознанию. Другие склонны считать, что человеку следует освобождаться от мифов и доверять только рациональному разуму. Миф – это ларец Пандоры, из которого исходит вражда. Бесспорно, что Сталин и Гитлер весьма искусно использовали мифологию древних в своих людоедских целях и немало в том преуспели.

Весь XX век человечество безрезультатно пыталось проникнуть в тайну мифа. Этим занимались Фрейд, Юнг, Леви-Стросс, Деррида, Флоренский, Лосев и многие другие. Никто из этих выдающихся исследователей так и не выбрался из лабиринта. Мифы оказались сильнее тех, кто их исследовал. Земля может принадлежать тому, кто ее обрабатывает, но миф не принадлежит тому, кто его исследует.

Разгадывать мифы то же самое, что толковать сновидения. Или одна фантазия перекрывает другую, или вообще ничего невозможно понять. Борхес и Павич доказали это своей неисчерпаемой прозой. Так, может, проще вообще отказаться от любых мифов? Может быть, и проще, но, как блестяще доказал Айзек Азимов своей книгой «Слова и мифы», отказавшись от мифов, мы тотчас же онемеем. Каждое второе слово в нашем языке, а, может быть, и каждое первое исходят из мифа. Определяйте слова и вы избавитесь от половины заблуждений. Как бы не так. Нет ничего запутаннее определений. «Если изъясняться точно, то нельзя вообще ничего сказать». Это изречение принадлежит гениальному логике Бертранию Расселу. Так что придется седлать крылатого Пегаса и скакать по Млечному Пути навстречу новым тайнам, заблуждением и открытиям.

Во вселенной столько же Богов
Сколько людей
Умирая каждый становится богом
Боги вовсе не совершенные
Они такие же как люди –
только уже бессмертные
Иные ещё при жизни осознают
свою божественную природу
как Христос
Греки лучше нас понимали
жестокость и коварство богов
Интересно как Христос общается с Зевсом
и влияют ли они друг на друга
Думаю что влияют

Я складываю карту
в колоду игральных карт
Африка – бубны
Азия – крести
Перетасованные многократно
страны
остаются на том же месте

Я однажды видел:
кариатиду
унесли
оставив карниза ношу
Может только здесь
а может и всюду
где я был
осталась пустая ниша

Может я человек, но скорей карниз
и стена пустующая отвесно
когда кто-то уходит
навек «из»
остается пустое место

Так слепой при утрате поводья
полон странных смешанных чувств
Так при выходе крестного хода из алтаря
алтарь остается пуст

Я однажды примерил клобук монаший
а потом снимал его выше-выше
Так когда вынимают мощи из ниши
святой становится ниша

В содроганье тунгусских недр
до сих пор угасает болид
так в замерзшем мамонте один нерв
все еще болит и болит

Пустота постигается как утрата
потому пустота болит
Виноградник вымершего Урарту
слаще яблока Евы и губ Лилит

В многомерных сотах
откуда выкачан мед
обязательно затерялся шмель
После нас на земле остается медь
или глина древних шумер
Этот шмель поет оставшимся там
где закончилось бытие
или Дон Жуан припавший к устам
донны Анны
и пьет ее

Или город Пальмира во время оно
в сирийской пустыне мертвых
где раструбчатые колонны
стоят как пустые соты

В том театре
я выходил на сцену
декламировал
каменному Колизею
аплодировали тенями тени
музе каменного музея

И когда я выходил
из амфитеатра
под каменную сень тени
уходя в пустующий Тартар
моя тень

простиралась к сцене
от Эсхила до Еврипида
уходя в кулисы теней
в край Орфея и Эвридики
в лабиринт
где блуждал Тезей

Я заметил –
не стало темней на сцене
от избытка других теней
Если тень
становится тенью
тень не делается темней

Я заметил когда я вышел
что театр уже не пустеет
вместо нас остаются ниши
пустоты
Пустота густеет

Опускайся на дно колодца
и зачерпни коллодий
Как колодезный журавль
выдывает коленца
так карты скачут в колоде

Колоннады жуткого света
упираются в Рим незримо
обладающий правом вето
умирает уже без грима

Не как актер
в середине сцены
а как гример теряющий тени

*Примечание.
Написанная в 1991 году поэма
оказалась пророческой.
Сегодня этот античный город
разграблен, взорван
и фактически стерт с лица земли*

Андрей Александер

Мюнхен / Москва

НАЧАЛО

(фрагменты)

...Я опираюсь о перила десятой палубы и смотрю как падает моя черная тень на белую пену проносящегося мимо Средиземного моря, разбиваясь при этом вдребезги на мелкие кусочки, которые потом, отшлифованные водой, может быть, кто-то поднимет с линии прибой. Туристы любят собирать камни и причудливые камешки далеких стран. Кто-то из них в далеком детстве изучал латынь или древнегреческий, и вот теперь, когда прошлое вспоминается будто старомодное немое кино, они готовы заплатить любые деньги, чтобы вернуться туда, куда не летят самолеты, не идут поезда, куда не добираются караваны верблюдов – в свою юность. Разрушенный город в Персии – это их мечта сорокалетней давности.

Что касается меня, я только сопровождаю всю эту пеструю толпу любознательных «детей». Артисты сегодня в этом дорогом шоу – не последняя безделица. Впрочем, актеров ценили и в мудрые античные времена.

Демократия, философия, тирания...театр. Эти слова так привычны любому европейцу, что многие считают их родными.

...Автобус, крутая дорога на высокий холм. Там царит роскошный беспорядок разрушенного античного города: поваленные великолепные мраморные колонны, чудом уцелевшие от распила местными жителями. Камни из мрамора – чудесный материал для строительства

лачуг у подножия холма. Римляне причислили Алтарь к чудесам света «В Пергаме есть большой мраморный алтарь, высотой 40 ступеней, с большими скульптурами, изображающими гигантомахию».

Книга римского писателя Луция Ампелия «О чудесах мира» (*Liber memorialis; miracula mundi*) сообщает о его невероятной красоте.

Алтарю не повезло; его истерзали войны, землетрясения, а также мирное строительство. Карнизы дворцов, пилястры, абаки, элементы фронтона... весь этот мраморный идеал греков оказался неплохим материалом для возведения невзрачных построек на обломках римской империи. Не исключено, что где-нибудь в подвале или в стене заурядного, покосившегося дома можно и сейчас найти голову Зевса или руки Афродиты, которые археологи ищут уже пару столетий. Алтарь, точнее его украшение – сказочной красоты фриз – раскопали и увезли немцы еще в 19 веке. И слава богу, иначе бы из мраморных кусков местные жители построили большую деревню, а человечество так бы и не узнало, сколь велик был город Пергам. Да и сегодня, кто знает, что в Пергаме была построена вторая после Александрии библиотека? Кто знает, что в Пергаме изобретен пергамент? Клочки выделанной козьей кожи можно и сегодня купить в лавке сувениров.

Я стою на краю обрыва, чтобы видеть сверху город Бергама, раскинувшийся у подножья горы. Крутая гора – защита от врагов. Не очень крутая – театр. Как расчетливы были древние греки: минимум усилий, максимум пользы. Поставили на склон ряды длинных полукруглых лавок – и зрительный зал готов. В километре отсюда я вижу и другой театр – поменьше, а рядом с ним термы, где людей лечили водами... Последний взгляд в сторону Пергама. Там,

где-то далеко – одинокий брошенный фундамент, как надгробие брошенной могилы... Полтора столетия прошло после раскопок, но никто не спешит восстанавливать пропавший алтарь.

Незаметно проходят два или даже три года.

Работа актера и режиссера занимает все мое время. Наконец, специально еду в Берлин, чтобы увидеть Его. Захожу в музей... Боже праведный, да это же ... Захватывает дыхание. Нет слов. Стою и смотрю... с 12-и до закрытия музея. Это как удар ниже пояса: не можешь даже пошевелиться.

Великая битва! Не по количеству убитых. Она великая, поскольку ее сотворил великий Мастер. Насколько смел был он в замысле, насколько гениален в исполнении! Крылатые боги против змееногих чудовищ: причудливые сплетения тел, растрепанные волосы и горящие глаза...

Казалось бы, все предельно ясно: боги – это Добро и Гармония, Гиганты – Зло и Хаос. Но не спешите, приглядитесь получше. Если все так просто, то почему красивейший из всех на этом 113-метровом фризе – не Аполлон, не бог войны Арес, а молодой Гигант Алкионей, схваченный Афиной за волосы. Почему вопреки мифу он выглядит страдающим ангелом, причем с раскинутыми мощными крыльями, словно сделанными для Икара?

Почему От, сражающийся с Артемидой, не защищает себя щитом, и не поднимает оружие в ответ на угрозу смерти?

Кто здесь великодушен, а кто жаждет только победы и триумфа?

Все это очень непростые вопросы, на которые вам не ответят и десять знатоков, и даже доктор Фолькер Кестнер – самый большой специалист Пергамского фриза.

Тогда, в Пергаме, мне и в голову не могло прийти, что я займусь реконструкцией фриза. Не просто займусь, а восстановлю – хотя бы примерно – красоту Восточной стороны, а даст бог – и остальных.

...Были люди, которые увидев мои эскизы, тут же брались за перо и вносили свои корректуры. Таким я запомнил доктора Фол-

кера Кестнера, большого знатока Пергамского алтаря. самого большого знатока! Он сел на пол своего кабинета, где я разложил листы с реконструкцией, и на них стал рисовать. Постепенно на моих листах появлялись недостающие элементы фриза, о которых я даже не догадывался; «Нет, у Ареса был не меч, – говорил он усмехаясь, – у него было копье!» По сей день я с благодарностью вспоминаю тот день, который перевернул всё. Я взялся за работу, обещав профессору исправить ошибки за два месяца.

...Из обломков медленно вставал античный мир. Он просыпался от долгого двухтысячелетнего сна, как исполин в греческом мифе. Когда вышел календарь «Pergamon-fantasy», все – мои друзья, знакомые и не знакомые, единодушно приняли работу. Нет, вру, не все....

Когда в Пушкинском музее в 2013 г. была выставлена реконструкция 4 x 30 метров, собиралось много зрителей послушать мой комментарий. Один из них сказал так: «Я думаю, не будь вы, Александр, мимом, вы бы не сделали этой замечательной работы! По отпечатку пятки несуществующей фигуры, вы создали скульптуры».

Лечебная лесть – добрые люди. Но правда в том, что я применил в работе всё, чему меня научила пантомима и классический балет. Сейчас вы можете видеть ту красоту, которую видели люди две тысячи лет назад. Смотрите...

В начале июля в Музее архитектуры им. Щусева открылась выставка «Темная сторона Пергамского алтаря», на которой вниманию посетителей представлен мультимедийный проект русского художника Андрея Александра.

При помощи современных медиатехнологий автор воссоздает батальные сцены, изображенные на алтаре.

Андрей Александр перед началом своего действия.
Фото Татьяны Зоммер.

Слева – фрагмент большого фриза восточной стороны Пергамского алтаря в том виде, как он сохранился до наших дней. Справа – тот же фрагмент после фото-реконструкции.

Андрей Александер

Ветер для греков – квадрига лошадей. Нот, Борей, Зефир, Эвр. Нет ничего свободнее ветра. Даже птицы переживают бурю. Наверно, кони-ветры принесли нам этот миф, который так похож на реальность.

Но миф дошел до нас в упрощенном виде, как сказка. Та же сказка, которую рассказывают детям перед сном. Иначе они не поймут. Я расскажу вам эту историю сам и, может быть, вы в конце сможете ответить на один мой вопрос.

Итак, жили-были 12 Богов, правящих миром. Были Боги сильны и красивы; были Боги талантливы, играли на свирелях и кифарах; знали толк в вине, но пили нектар цветов.

Были боги злыми, алчными, завистливыми, ревнивыми... Даже не задумывались, насколько справедлива их власть!

И так бы длилось вечно... Но вот однажды земля дрогнула, и покачнулся Олимп.

Мать-земля Гея в своей утробе взрастила Гигантов: огромных, косматых, змееногих чудовищ, чтобы они отомстили за своих старших братьев – Титанов, поверженных олимпийскими богами.

Богиня Зари – Эос просыпается в глубине моря и, потягиваясь всем телом, медленно поднимает свою руку вверх, и ее длинные розовые пальцы выходят из воды светящимися лучами. Они отражаются в безмятежных изумрудных волнах. Но что-то не так сегодняшним утром!

Едва лучи касаются вершин гор, Олимпийские боги просыпаются от сотрясения земли и понимают: им не суждено в этот день наслаждаться звуками флейт.

И даже сознание своего бессмертия не дает им бывшего наслаждения. Что стоит вечная жизнь для тех, кто теряет – навсегда – власть!?

Гиганты выползают из расколов земли с диким ревом животных, ломая вековые деревья и превращая их в дубины. Золотой диск Гелиоса-Солнца закрывает облако пыли, поднятое этим стадом, и день превращается в ночь.

Вспышки пламени, вырывающиеся из глоток Гигантов, освещают их злобные оскалившиеся лица.

Зловещей бандой двигаются Гиганты к Олимпу, сметая все на своем пути. Выворачивая из земли скалы, они швыряют их ввысь, и искры, высекаемые ими, отражаются в круглых, как блюдца, глазах небожителей.

В недоумении они стоят перед облаком, поставленном на Олимпе вместо ворот.

Один из гигантов, Изний, вырывает земную ось и, орудуя ей, как дубиной, откалывает куски от материка, и те становясь островами, уносятся в море.

Именно тогда моря вторглись в сушу, и возникли новые проливы и острова.

Опасаясь, что Гиганты сплющат Землю, Боги спешат вступить в бой. Все небо прорезают молнии Зевса, которые для него куют Циклопы. От молний вспыхивает пожар, и становятся отчетливо видны лица Гигантов. Нет, это не банда вандалов. Да, они – другие, но их целеустремленные лица заставляют задуматься: действительно ли Гиганты Пергамского алтаря – символ Хаоса. А, может быть, символ Нового порядка?!

Одну за другой мечет молнии Зевс, однако нет страха в глазах его противника – предводителя Гигантов Парфириона, который грозит левой рукой, обернутой в овечьи шкуры, самому Отцу Богов, а правой готов запустить в него островом Сицилия, похожим в его кулаке на обыкновенный булыжник.

Покровителю искусств Богу Аполлону явно не до музыки, и он берется за лук. Тетива лука была первой струной его арфы. Эта струна звенит пронзительно, будто пронзает плоть.

Узнав о том, что Аполлон и Артемида сражаются с врагами, их мать, Лето, мчится к Олимпу, держа впереди себя пылающий факел. Рядом с ней встает Богиня Деметра, два факела в ее руках.

Верная супруга Зевса, Гера, сжимая в руке копье бросается в самую гущу битвы, а запряженные в квадригу кони – Нот, Борей, Зефир, Эвр – послушно летят за ней. (Ирис – девочка, но почему на фризе у нее такие огромные крылья? Неужели художник сделал ее таким крепким бойцом? Загадка!)

Но не остановило это натиска Гигантов, шедших на штурм неба. Ибо судил Богам рок, что лишь с помощью смертного они смогут взять верх над Гигантами.

И призвал тогда Зевс на помощь своего сына Геракла, которому при рождении не было даровано бессмертие.

Геракл появился на Олимпе, когда Гиганты уже теснили Богов к отвесным скалам. Своими отравленными стрелами он уложил на землю сразу десяток противников. К его ногам пали Кей, Колофон и Феодамант.

Одновременно с Аполлоном стреляет он в прибывшего на подмогу Гигантам огромного Эфиальта, и стрелы пронзают оба глаза бойца.

Афина – красавица Олимпа, рожденная не в рубашке, а в боевых доспехах, схватив за волосы молодого Гиганта Алкионея, отрывает его от земли: ибо на Земле он был непобедим. Крылатый Гигант с лицом страдающего ангела пытается дотянуться ногой до матери-Земли... Еще совсем немного... Нет! Его настигнет стрела героя 12-ти подвигов.

Смотрите, смотрите, Богиня победы Ника уже летит к Афине с венком победителя. Тщетно просит Гея помиловать хотя бы одного – своего любимого сына Алкионея. Однако, воительница не знает такого слова – пощада.

Нет, Гиганты еще не сломлены, но им нужен один смертный на их стороне; один боец непомерной силы – От.

И прибыл на поле брани От. И поднял он свой смертоносный меч над головами правителей Олимпа... И тут же его опустил, увидев перед собою красавицу Артемиду. От был влюблен в нее, мечтал подойти к ней так близко, чтобы чувствовать запах ее волос.

От опускает щит... Ну, стреляй, красавица!.. Так и погиб он, не дрогнула рука Богини.

Этот миф очень похож на реальность. Над ним задумывались художники и философы. Но ни один из них не ответил на вопрос, почему Гигантов мог победить только смертный? Это и есть мой вопрос.

Так кто же мы, люди? Мы – смертные, без кого даже Боги не побеждают в битвах?

Я не пою славу Богам. Истинное величие Вселенной не Бог, а Талант.

История – неблагодарная дама, она не оставила нам имени автора Пергамского фриз. И его по праву можно назвать Богом... зубила и молотка.

Аза Тахо-Годи

доктор филологических наук
профессор кафедры классической
филологии филфака МГУ

Почему-то считается, что все античное прекрасно: «Ах, какая красота! Все такое белоснежное, великолепное...» При этом судят по римским копиям древнегреческих статуй, ваз, храмов. Между прочим, древнейшие греческие статуи были раскрашены в разные цвета, а вместо глаз у них были драгоценные камни. И поэтому когда в Средние века начали открывать древний мир, то пришли к выводу, что раскрашенные статуи – это бесы, ведь у них не было ничего общего с белыми римскими копиями. Видите, историю надо знать. Алексей Федорович Лосев всегда говорил: «Без истории делать ничего нельзя».

Не все в древности было прекрасно, а часто безобразное воспринималось как красивое. Что, например, такое змея со своими чудесными узорами? Или красавица Ехидна с прекрасными глазами и белоснежными руками, которая заманивала путников, а потом душила их своими страшными хвостами? Или звавшийся Безупречным один из трех братьев – сторуких великанов? Богиню Афину называли совоокой, потому что давным-давно она была совой. В кабинете Алексея Федоровича Лосева стоит потрясающая мощная сова, а на ней медная доска, на которой выгравировано: «Я – сова Афины». Есть знаменитое изображение: на плече у прекрасной Афины сова, у ног – щит, а из-под него выползает змея. Сова и змея – это напоминание о далеких временах, сохранившихся в виде так называемых рудиментов.

Вот еще интересный пример на тему красоты: богиня Гера собиралась обольстить своего супруга Зевса и отвлечь его от помощи троянцам в битве с греками. И отправилась к богине красоты и любви Афродите за помощью, а та дала ей на время свой пояс, наделяющий необычайной сексуальной привлекательностью. Это так называемый древний фетиш. (Имейте в виду, что у нас часто неправильно ставят ударение в этом слове на первом слоге, а нужно на втором.) А что такое фетиш? Предмет, заключающий в себе живую силу, и таких предметов может быть много, и они могут быть какими угодно.

Гомер в «Одиссее» дает яркое представление о том, что такое красота. Супруги Одиссей и Пенелопа не виделись двадцать лет: война длилась десять лет, а потом Одиссей еще десять лет странствовал. Богиня Афина проливает красоту и на Одиссея, и на его супругу. То есть красота оказывается не-

вероятной материальной силой. Греки не любили отвлеченностей, а обращали внимание на саму материю. И вместе с тем соблюдали во всем меру. Поэтому красота не может быть излишней, она должна заключать в себе определенную меру. Об этом, между прочим, говорили младшие современники Гомера – поэты Гесиод и Архилох. И, самое главное, надо соблюдать жизненный ритм. Что это такое? Чередование горестей и радостей. Посмотрите, как мудро все устроено. Нынешним людям надо учиться у древних и вместо того, чтобы страдать и трагически воспринимать жизнь, помнить, что на плохом все не заканчивается, придут радость и нечто приятное.

Расскажу забавный эпизод. В Череповце, это было знаменитое промышленное место, делали трубы и выпустили какую-то новую модель. Инженер назвал ее «Сафо» – в память о моей лекции в Литинституте (он учился на заочном отделении). У меня сохранилось его письмо, он даже фотографии прислал. Я хотела поместить одну в книгу своих воспоминаний, но этому почему-то воспротивились издатели. А это как раз очень интересно – на снимке все инженеры, стоит эта гигантская труба, на ней написано: «Сафо».

Теперь это общая проблема — думающему человеку трудно найти близкого по духу, и стоит она гораздо острее. А в античности эта проблема не ставилась, тогда главными были темы судьбы и героизма. Древние считали, что человек рождается с определенной судьбой, а нить судьбы плетут сестры Мойры. Тот, кто посмел идти против судьбы, был героем. В классической античности героизм ценят, героев может быть много, так что герой не одинок. А в современном мире, думаю, и герой абсолютно одинок.

*Фрагменты из интервью Елены Калашиниковой
для журнала «The Prime Russian Magazine»
http://primerussia.ru/interview_posts/358*

Париж

Париж

ТРОЯНСКИЕ МЕЛОДИИ

I

Кострами прежними спина
Давно опалена,
Но неоткрытая страна
Опять зрачкам нужна.

И, обойдя за край земли,
В какой-нибудь из дней
Наткнешься вдруг на горсть
зола —
От первых кораблей...

II

Ахейцы разрушили Трою.
И это стало причиной
бездомных скитаний Энея,
известного всем троянца,
сбежавшего и, между прочим,
основавшего Древний Рим.

Так в результате агрессии, троянских коней, бомбежек, напалма и всяких прочих веселых вещей, о которых в Гомеровом репортаже упоминается глухо – под самым боком у греков, гордых своей свободой, образовался Рим!

А ликторы в Риме носили топорик и связку прутьев, которые, между прочим, именовались «фасций» – но утверждать не будем, что этот хворост явился первопричиной возникновения фашизма – это, скорее, деталь...

А в Риме были нероны,
доносы, ссылки овидиев,
возглас: «Салют, император!»,
лошадь-парламентарий
и штурмовые отряды.
Но утверждать не станем,
Что главной первопричиной
была красота Елены –
это, скорее, деталь...

Семь лет проторчал под Троей
экспедиционный корпус.
(И, если принять во внимание
высказывание Терсита,
ахейцам самим операция
порядком осточертела!)
Ахейцы спалили Трою.
Но это уже – деталь...

III

Трою тройная хранила стена.
Но всяческих стен взамен,
Мужеством граждан
ограждена
Спарта, лишенная стен.

Кожу щита разрубает меч,
Стену тараны долбят,
Стены троянские можно
сжечь,
Спартанские – не горят!

IV

Ни ахейцы, ни троянцы
Мне ни хороши, ни плохи,
И ахейцы, и троянцы —
Сыновья своей эпохи.
Я бы все им в меру выдал
И презрения, и славы,
Потому как в этих битвах
Все и правы, и неправы.

Мир мудреет, но поныне
Не дорос до Одиссея:
Мир, как сам Приам, наивен,
Мир, как Марс; прямолинеен;
Что простительно Гомеру —
Ведь ни за какую плату
В век восьмой до нашей эры
Не отправится Филатов.

Ну а мы-то не слепые:
Ведь во славу всей Европы
На Луне любой булжник
Различаем в телескопы!
И в себя взглянуть не прочь мы,
Но категорично прежде
Всех на чистых и нечистых
Разделяем по одежде:
Тот – ахеец, сей – троянец,
Тот – святой, а этот – шельма...

И глядим в людские души
Сквозь гомеровские бельма.

доктор культурології
ДООС – заузавр
Галле

АНТИЧНЫЕ ЧЕРЕПКИ

обнаружены во время полевых исследований Академии Зауми под руководством Сергея Бирюкова

1.
два титана
Ципрас и Варуфакис
кто из них
Прометеус кто Гефест?
Кербер в инвалидной коляске
прокатывается меланхолично
и Орел клюет печень
очень
2.
Аристофан троллит Гомера в сетях
мол в списке кораблей не нашел
мистралей
странно
впрочем возможно
что корабли все-таки
ушли в Гиперборею
(уточнить у Аполлона)
3.
итак Пифия возвещает
о появлении Пифагора
повозка метафоры наготове
стоит у порога
для перевозки душ
(между тем
см. Гераклит)
4.
Одиссей с помощью метафоры
достигнет того берега
где
клубок пряжи раскручивается
так
и ведет ведет
на берег тот

Восстановлены, прочитаны
и переведены в лаборатории АЗ.

Фото Александра Лысенко (Вена).

Дмитрий Смирнов-Садовский

Сент-Олбанс

К Музам

Клио, ты у нас не в моде,
Ты, Эвтерпа, не в ходу,
Каллиопа – эта, вроде,
Нам годится, но беду
Ты приносишь нам, Эрато,
Только Терпсихоре рада
Наша шумная толпа –
Пусть выделывают «па»,
Спотыкаясь и хромая,
Талия и Мельпомена –
Вам давно заткнули рот,
И царит на нашей сцене
Полигимния немая
И Урания-урод

Сенека

о добродетелях и пороках

Проголодалось мужество,
Продрогла рассудительность,
От жажды милосердие
Завыло, как в аду,

А зависть треугольная
И жадность тупорылая
С шарообразной глупостью
Играют в чехарду.

Галина Мальцева
ДООС – стрекзаелла

Минотавр
(компьютерная графика).

Специально для ПО

Ольга Ильницкая

ДООС – слонозавр

из геометрии:

Меня к себе притягивает угол.
Спиной я не могу достать до грани.
Но, кажется, я стану треугольной,
чтобы ему понравиться.

пример вычитания:

В эту пасть легко упасть,
оступиться и пропасть,
если вас осилит робость.
Потому-то эту пасть
называют просто – пропасть

пример сложения:

От улыбки до улыбки
мы с тобой как две улитки.

Елена Кацюба

ДООС – libellula

АНАГРИФ

Геометрия

**ПИФАГОР
ОПИГРАФ**

Теория

Моря ритм,
грот,
трио гетер.
Иго им –
трое мегер,
торг имея.

Мирт, грим,
тоги теряем,
реем.
Оргия игр
греет мир.

Гея ярит,
Гере орет –
игре горе!

Миг –
метеор –
мрите!

– Горим!

Гром гремит,
Троя горит,
ор, мор, морг –
ярмо горя.

Итог

Гомер
теряет
героя

МИНОТАВР

Таурус – таурус – минотавр
в лабиринте памяти
В нем есть центр
страха – ужаса
Фобоса – Деймоса
Там и бог – бык

В нем есть центр
радости – наслаждения
радуги – наваждения
Там и бык – бог

Рык страсти
Или
крик страха
там?
Таурус – таурус – минотавр

НИТЬ АРИАДНЫ

Тебе меня пле

ра

нить

Мне тебя зама

нить

одурма

нить

нить

В лабиринте

нить

нить

чтобы нас соеди

нить

нить

нить

Оборвется

нить

нить

некого ви

ничего не изме

нить

нить

только в памяти хра

нить

нить

пом

нить

нить

Помиловать нельзя каз

нить

нить

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

* * *

остановись
зачем нам лёгкий путь прямых углов
я отпускаю лифт и крылья отпускаю в небо
забудь про время и пространство
зачем нам круг
зачем нам горизонт
часы
стеклянные часы
волшебные часы
с зеркальной стрелкой между нами
идут вперёд а кажется назад
идут назад а кажется идут вперёд

* * *

настройщику зеркал не надо объяснять про пустоту
шестиголовый глаз как пёс над пёсым миром
вращает стрелку на часах пространство разделяя топором
настройщику зеркал не надо объяснять про пустоту

* * *

откуда это чувство
вдруг
как будто небо затянуло солнцем
и не уснуть
и не проснуться
вселенная дрожит
и голос и слова и мысли
не помню
кто стоял
напротив
чьи руки чьи глаза чей свет
во мне пылал

* * *
ты думаешь это птица
птицы всегда возвращаются

* * *
ночью
поймала за крылышко луч
утром его отпущу

* * *

на вдохе — в небо
на выдохе — покой
слова как сон
пространство обучают тишине

* * *
и ветер мимо пролетел
и ночь и день и год и вечность и бесконечность
теперь сама себе я бог

* * *

и эту ночь я проведу по внутреннему саду
и это небо
пусть каждая звезда получит по цветку

* * *

не спит Вселенная
склонилась голова
над звёздной азбукой
из-под пера летит земное воплощенье в слове
есть тайны
от которых в дрожь бросает свет

* * *

внутри луны
как в поезде пустом
боюсь
забудет машинист остановиться
всем телом обратилась ночь в моё пространство сна

* * *

необитаема душа
душа необитаема
соломенное кресло ревниво охраняет сон
в улыбке утонули губы и глаза

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС – графикозавр

Париж

ПЕГАС

Александр Карпенко

Сердце бога

Философ Гераклит купил на Арбате
матрёшку.
«Что же там внутри?» – подумал он.
А внутри была ещё одна матрёшка.
А внутри следующей матрёшки –
Были ещё разные матрёшки –
Одна прекраснее другой.
«Чем меньше красивая вещь,
Тем больше в ней совершенства», –
Подумал Гераклит.
Когда он извлёк на свет
Последнюю матрёшку,
Он испугался, что за ней – пустота.
Но за ней начиналось сердце бога.

Раскопки времени

Я блуждал по лабиринтам города,
Заживо погребенного –
И затем раскопанного.
Я пил из амфоры святотатства.
Пыль прошедших эпох
Посыпала мне голову пеплом.
Что ищешь ты в недрах земных,
Мертвый Город?
Неужто и впрямь
Время – самая могучая из стихий?!
(Не сбивай меня, Татуировщик
Печали!)

Я бродил по мертвому городу,
Как будто листая страницы
Повести своей жизни.
Не погребает ли
Давно потухший,
Но денно и ночью действующий
Вулкан событий
Трепетные города нашего прошлого?
Не такова ль судьба всего сущего?
Все это можно прочесть в своем
сердце.

Прочесть –
И присыпать пеплом
Свежих переживаний,
Чтобы смочь
Идти дальше.

АГАМЕМНОН

Европа цезарей, церквей, республик, костров инквизиции, печей Освенцима, войн и революций, Европа духовных подвигов христианства, Возрождения, исследований духа, великой музыки, вселенской философии своим рождением обязана подвигу, жизни и смерти одного человека, чью память она недостаточно чтит: Агамемнону.

Гибель Трои, зарождение Европы, построение Рима – были зачаты, как и Ахилл, в день свадьбы Пелея и Фетиды. Богиня раздора, Ирида, бросила на стол яблоко с одним лишь словом: «Прекраснейшей». В этом слове и всем, что с ним связано, заложены основные принципы европеизма: аналитичность, эстетизм, фатальность и жестко обусловленное развитие событий, которое изобличает наличие Высшей Силы, давшей начало Европе в Греции и Риме.

Парис, вынужденный рассудить трех богинь, отдал яблоко прекраснейшей – Афродите. Он думал и действовал, как пастух, как истинный плебей, мечтая не о царстве, а о телесной, физической любви. Так же поступал он и в дальнейшем, став внезапно сыном царя Приама. Он украл прекрасную Елену, не рассуждая о попрании гостеприимства, черной неблагодарности и не думая о последствиях. Он был лишь необходимым звеном, орудием в руках Фатума, который правит историей. Главными действующими лицами в начале европейской истории стали Агамемнон и Ахилл. Зарождение Ахилла совпало с зарождением раздора, гибель Ахилла совпала с концом раздора. Ахилл – движущая сила «Илиады», он ограничен историей Греции, самых прекрасных и трагических ее минут, жизнь Ахилла мы знаем от зачатия до героической смерти. В этой жизни много горя и потерь и – самое страшное – Ахилл знает свою судьбу. Его жизнь – исполнение Рока.

Но Агамемнон, с его мятущимся, властным, сладострастным характером, с его прозорливым умом, с его блистательным мужеством не только на поле брани, но и перед лицом неумолимого рока, принадлежит истории Европы. Его судьба на тысячелетия больше его жизни. Он определил историческое существование Европы. История жизни самого Агамемнона очерчена одним человеком – Эгисфом. Эгисф захватил Микены и убил отца Агамемнона и Менелая – Атрея. Дети были обречены на вечное странствие, но Спартанский царь Тиндарей вернул им престол, взяв Микены и изгнав Эгисфа. И ненависть Эгисфа к Агамемнону возростала по мере славы и подвигов героя. Он дождался Часа. Эгисф пришел к Клитемнестре, когда она поклялась убить мужа. Клитемнестра была первой добычей Агамемнона. Юный царь возвратился в Микены и пошел войной на союзника Эгисфа – царя Писы Тантала, убил его и младенца-сына, а его жену Клитемнестру взял себе в жены. Она родила Агамемнону трех детей – Ифигению и близнецов Электру и Ореста. Дети примирили ее с Агамемноном, но смерть Ифигении вновь посеяла ненависть. Клитемнестра и Эгисф соединились в ненависти к Агамемнону. В этом сила их любви. Десять лет Троянской

войны они живут вместе и вместе идут на преступление. Кажется, сами боги покровительствуют им. Смерть Агамемнона неизбежна, как судьба. Ничтожество убивает героя – это сила Рока.

Жизнь Агамемнона мы видим только в одном цельном моменте, но весь этот момент подчинен главной мысли – разрушению Трои. С трагической неуклонностью Агамемнон осуществляет свою идею. Он выполнял волю Провидения, он должен был положить начало истории Европы. Он не боялся ничего, шел навстречу Судьбе и сумел полностью задачу, которую перед ним поставил Бог.

Агамемнон, а не Менелай, возглавляет поход против Трои, на него падает основная ответственность, ответственность не только на поле битвы, но и моральная. Боги Греции не помогают ему, они его не любят. Он – деятель Высшего Разума, Фатума, который движет историей, определяя ее на тысячелетия вперед. Агамемнон избран, и он единственный, кто мог выполнить эту миссию. В поле Судьбы греческие боги не входят, они против Агамемнона. Агамемнон всегда во вражде с ними. Выигрывает войну Судьба, а не Агамемнон, но он выражает волю Судьбы и должен погибнуть. Боги Греции мстят ему как делателю Судьбы.

Он желал черноокую Хрисеиду, которую готов был предпочесть Клитемнестре, но Феб и Ахилл отнимают ее, тем самым определив судьбу самого Ахилла, Агамемнона, Трои. Агамемнона обвиняют в сластолюбии, а между тем он, верховный вождь, царь ахейя, имел право на военную добычу больше, чем любой герой. Он жаждал после битвы ввести в свой дом другую жену. Он знал, что Клитемнестра ненавидит его, и он с радостью бросил ее и новорожденных близнецов, уйдя на войну. Гибель Трои, и объединение греков были его заветной мечтой. Могущая, богатая, азиатская Троя могла очень быстро сокрушить маленькие греческие города, за которыми еще не стояла Европа; Азия поглотила бы Грецию. Но какое дело Клитемнестре до истории! По мнению Клитемнестры, Агамемнон слишком рьяно взялся за дела своего брата Менелая и ее сестры, прекрасной Елены, которую она с детства ненавидела, потому что та всегда затмевала ее.

Судьба навсегда разводит ее и Агамемнона. У него не должно быть семьи, любви, привязанности. Он одинок.

Поход начинается в Авлиде. Долго в паруса греков дул противный ветер, они не могли отплыть. Начались болезни и мор. Солдаты роптали. Тогда прорицатель Калхас объявил, что попутного ветра не будет до тех пор, пока не принесут в жертву богине Артемиде юную дочь Агамемнона – Ифигению.

Как ни жаждал Агамемнон войны, но и он был потрясен. Почему именно он должен заплатить жизнью дочери за то, чтобы Троя была разрушена? Менелай уговаривает Агамемнона пожертвовать дочерью, подчиниться воле богини Артемиды. Для греков – это война за восстановление

честь Менелая, но Агамемнон не мстит. Его цель иная: Греция, а не Троя должна стать в центре цивилизации; Европа, а не Азия. Троя могущественна, прекрасна, богата; но мелкие греческие полисы, не очень богатые и не очень цивилизованные, сплотились волей Агамемнона и одержали победу над Троей. За эту победу всем расплачивается Агамемнон.

Агамемнон вызывает Клитемнестру вместе с Ифигенией якобы для свадьбы с Ахиллом перед началом великого похода. Но не смог выдержать – послал другого гонца, чтобы сообщить Клитемнестре истинную причину, но Менелай – Менелай! – перехватывает гонца и упрекает Агамемнона в том, что он предает общее дело! Менелай не платит, не жертвует, выходит победителем и, получив прекрасную Елену, забывается Историей. Агамемнон – в своих переживаниях и страстях, жертвах и ненависти – драматичная, сложная фигура, это психология человека XX века. Он как бы создал тип на века, он не только создатель Европейской истории, но и предтеча будущей драматической психологии европейца.

Клитемнестра приезжает и узнает, что ей предстоит. Ее муж, которого она давно ненавидит, призвал на смерть собственную дочь. Ей, преданной всеми, не у кого просить защиты. Только Ахилл, чью юность и благородство она заметила, может помочь ей. И она, гордая Клитемнестра, на коленях умоляет его спасти дочь, спасти ту, которую называли его невестой и которая при других обстоятельствах стала бы его женой.

Ахилл. Его юность. Его возможность и еще неудовлетворенность чувств. Он не политик, не провидец. Он трагический человек. Он стал бы поэтом, если бы не был воином. Слезы матери, ее отчаяние, молчаливое смирение Ифигении трогают его, и он хочет защитить их, видя несправедливость того, что должно произойти.

Он не понимает Агамемнона, чье сердце разрывается при мысли о дочери. Не понимает, что Агамемнону нечего сказать войскам, которые ждут от него жертвы, и что он не может восстать против Предназначения.

Он, Ахилл, защитит Ифигению, даже если придется сражаться против всего войска. Но сама Ифигения решила принести себя в жертву. Что прочла она в глазах отца? Или она знала о его мечтах – ведь она любимая старшая дочь. Или, может быть, она как дочь своего отца чувствует Предназначение и идет на смерть, понимая, что спасает дело Греции. Ифигения смело шагает под жертвенный нож, идет сквозь строй смолкнувшего войска. Плачет Агамемнон; до безумия потрясена Клитемнестра; нож как будто входит в сердце Ахилла; потрясены воины. Все ждут чуда, и хотя чуда не происходит, это ожидание в веках переходит в уверенность, что чудо было. В поэзии Ифигения продолжает жить после смерти.

Подул попутный ветер. Теперь Агамемнон – признанный вождь. Он ведет свои войска. Но отныне он навсегда одинок. Смерть Ифигении принесла ему полную власть над войском, но как человек он стал для всех чужим.

Девять лет шла осада Трои. Агамемнон был неутомимым вождем. Он с неизменным постоянством отстаивает интересы Менелая, сильной рукой руководит войском. Но чтобы девять лет удерживать воинов, нужно иметь цель более высокую, чем прекрасная Елена. Девять лет борьбы с Троей не увенчались успехом. Но греки, стоявшие под Троей, чувствовали, что если уйдут, то погубят Грецию и изменят лик будущей Европы. Греки

остались. Их держал мощною рукой Агамемнон и вдохновлял возмужавший за эти годы Ахилл. Ахилл состоялся как личность на войне. Он не имел дома в детстве и не успел обрести семью. Вся поэзия ранней юности прошла у него под знаком войны, но он сумел сохранить поэтическое видение жизни и благородство души. Он умел любить, он был преданным другом и непобедимым воином. В нем много нежности. Смерть Ифигении – его первая ступень к возмужанию. Если раньше он, юный воин, беспрекословно подчинялся вождю ахейян, то теперь, предводитель своего войска и великий герой, хотя и подчиняется воинской дисциплине, но не любит Агамемнона, считая его бездушным и жестоким. Ахиллу, как и Агамемнону, предназначена историческая миссия, но он ее не знает, он, юный герой, хочет жить, любить и быть любимым.

Нравы древних людей достаточно грубы. Ахилл, захватив Фивы, убивает семерых братьев Андромahi, жены Гектора, но он не оставляет непогребенным тело ее отца Эстиона, не совершает надругательства над трупом побежденного. Так же благороден он и с Приамом, выдавая ему труп ненавистного Гектора. Можно ли требовать большей доброты от человека, знавшего только войну? Боги дали ему жизнь только на краткий миг сражения. Душа же его добра и сострадательна. Человек, еще одетый в шкуру льва и прикрывающийся бронзовым щитом, зачастую говорит столь человеческие слова, будто он прошел долгий путь цивилизации. Он закален в войне: он заслуженно один из величайших героев, предводитель воинов, и он не любит Агамемнона и не боится его. Единственная его

слабость – он не знает Высшую Волю и поэтому бессилен перед Агамемноном и должен погибнуть. Но Ахилл знает свою слабость и выбор Судьбы. В этом его трагизм и благородство, поэтому великий Ахилл, обладающий даром Силы, так трогательно человечен.

Начало трагедии зародилось в захваченных Ахиллом Фивах. Стянулся один из узлов, который привел к гибели Трои и началу Европы. Там попали в плен две прекрасные женщины: Хрисеида, дочь жреца Хриса, которую отдали Агамемнону, и Брисеида, отданная герою Ахиллу. «Илиада» начинается с трагедии Хрисеиды.

Хрис умоляет вернуть дочь в отчий дом, но Агамемнон непреклонен. Эта женщина – его добыча. Он владеет ею по праву сильного и по праву вождя. Такое право для него естественно. Он не собирается отдавать то, что ему принадлежит.

Тогда опечаленный Хрис просит заступничества у Аполлона, и бог, внемля его горю, насылает мор на войско греков. И, странно, платить самым дорогим для себя снова должен Агамемнон. Это рок. За осуществление идеи он должен заплатить всем, что есть у него. Ведь недаром он говорит в Совете, что Хрисеида ничуть не хуже Клитемнестры, и не рабыней, а женой хотел он ввести ее в свой дом. Он знает Клитемнестру, знает, что ее ненависть после смерти Ифигении такова, что жить им вместе на одной земле невозможно. Речь только о том, кто опередит события и кто первым нанесет удар. Хрисеида ему мила «и красотой, и девственностью, кротким нравом, умом». «Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза», – с горечью говорит Агамемнон. Он видит и чувствует, что непомерные жертвы, принесенные ради общей пользы, не только не возбуждают сочувствия, но, наоборот, вызывают ненависть к нему. И он переполнен гневом. Особенно после смерти Ифигении его ненавидит Ахилл, и он, может быть, единственный, не боится гнева Агамемнона. Ахилл чувствует себя истинным героем битвы, а роль вождя Агамемнона покрыта для него мраком Истории. И именно на Ахилла направляет разгневанный Агамемнон ответный удар: «Но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду сам увлеку я...» – восклицает он в гневе.

Брисеида дорога Ахиллу. У него нет никого. Эта женщина стала для него всем. Тут, на поле брани, которое и есть его жизнь, она дала ему любовь и сотворила дом. И он, человек горькой судьбы, лишается своего последнего утешения. Ахилл вынужден уступить, но в гневе клянется, что не вступит в битву, даже если троянцы отнесут ахейян к кораблям. Оба лишились возможности счастья и тем самым оба обрекли себя на гибель, но должны жить до тех пор, пока не исполнят свое Предназначение.

Поскольку Агамемнон – вождь и деятель, то именно он движет войсками, побуждая их к войне. Когда он обходит свою рать, то для всех областей, для каждого вождя, героя и воина находит он пламенное слово, зажигая на битву. Так происходит потому, что гибель Трои – истинно его дело. Он уверен, что только гибель Трои станет триумфом будущей Греции и сделает ее спокойной и свободной. За девять лет войны ему удалось объединить войска самых разных греческих областей, создать единую армию и единый народ. Но это – на войне. Кто знает, останься Агамемнон жив, может быть, он задолго до Александра Македонского создал бы единую Грецию, и этот прекрасный мир не погиб от взаимной вражды.

Агамемнон умеет повелевать, он и внешне необычен. Обращаясь к прекрасной Елене, Приам спрашивает, гля-

Рисунок Кристины Зейтунин-Белоус (Париж).

дя на Агамемнона: «Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный? Выше его головой меж ахеями есть и другие, но столь прекрасного очи мои не видали, ни столь почтенного: мужу-царю он подобен!» И Елена отвечает, что это ее деверь, Агамемнон. Елена и Агамемнон неразрывны в истории. Ее положение трагично, и она сама это осознает, но в ходе истории она ничего изменить не может. Она держится с глубоким трагическим достоинством, и даже жители Трои, гибнущие из-за нее, не могут ее осуждать. Она – лишь повод, толчок для начала истории, что смутно чувствуется всеми и ею самой. Она, подчиняясь внутреннему чувству, духовно играет свою роль. Таким образом, в начале европейской истории лежит красота и дух. Начало эстетическое и духовное. И прекрасная Елена их олицетворение. Если Агамемнон – деятель истории, то Елена – ее символ.

Агамемнон свое предназначение исполнил под Троей. А потом на его пути встала Клитемнестра. Она не обладала красотой, благородством и тем чувством судьбы, которым владела ее сестра Елена, но против Клитемнестры Агамемнон бессилен. Он слишком виноват перед ней.

Агамемнон знал предопределение, но исполнить его он мог вместе с Ахиллом и, убедившись в этом, склонился перед Ахиллом. Без Ахилла греки отступают и могут проиграть. Ахилл же, если будет воевать, то погибнет, не будет воевать – станет свидетелем гибели греков. Агамемнон выступает на Совете. Он не противоречит Нестору, когда тот обличает его вспыльчивость и несправедливость. Он почти тих, он смирился.

Старец, не ложно мои прегрешения ты обличаешь.

Так, погрешил, не могу отказаться я! Стоит народа

Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбил.
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.

Агамемнон готов отдать все, что он захватил в этой войне, готов пожертвовать половиной своего царства, отдать Ахиллу свою дочь, вернуть ему Брисеиду: все-все отдаст он, только бы Ахилл вернулся к войскам. Все понимают размер новой жертвы Агамемнона: он отдает самого себя. Предназначение безжалостно. Агамемнон уже осознал это. Он знает, что нет и не будет ему радости на земле. Он лишь орудие, выполняющее миссию Провидения. Судьба ему отказала и в любви, и в семейном счастье, и в наслаждении победой после долгих лет войны. Агамемнон не знает, что он – лишь толчок к созданию Европы, а значит исторически незабвенен. Он только чувствует, что время и задача взяли его за горло и требуют все новых и новых жертв. И он смирился.

Но не смирился Ахилл. У него, кроме силы и права силы, есть момент этический: его, Ахилла, душа имеет и чувство сострадания, и любви, и даже поэтическое чувство. Агамемнон всегда выступает с позиции силы. Исследование этой проблемы великолепно проведено Симоной Вайль. Агрессивность естественна в человеке, агрессивность против самого себя, человека, смягчается только духовностью. Комплекс силы не исчезает в цивилизации. Но в Агамемноне и Ахилле, несмотря на естественную агрессивность первоначального человека, много человеческой доброты. Они люди страдающие, а не только люди силы, они не белокурые бестии на белом коне, потому что они знают Высшую над ними силу – силу Судьбы и богов и это, при всем приоритете личной силы в дохристианское время, – заставляет их смириться и очеловечиться.

Очень человечен отказ оскорбленного Ахилла от примирения с Агамемноном, его желание отъехать на родину. Это не гнев, а печаль, печаль человеческая. Но поражены и оскорблены посланцы Агамемнона. Молча встречают это известие греческие вожди.

Агамемнон принимает ответ Ахилла. Но ничто не может сдержать его. Он вступает в бой. Бой идет свирепый, и Агамемнон не щадит себя. Он идет в бой, зная, что ничто, кроме храбрости, не спасет его. Боги на стороне Ахилла, Зевс на стороне Гектора. Агамемнон идет в бой вопреки воле богов, ведомый знанием Судьбы. Он надеется победить. Когда его войска отступают к кораблям, он испытывает настоящее отчаяние. И его чувства понятны. Читая «Илиаду» на протяжении тысячелетий, человечество черпает из ее богатства столько мыслей и чувств, что поистине «Илиада» – одна из составляющих нашего духовного космоса. Сколько глубоко духовных вещей остаётся достоянием специалистов, а Агамемнон и Ахилл бессмертны. Не чувствуем ли мы с ними прямое родство? В наших генах, возможно, заложены те временные ощущения, которые напрямую связывают нас с прошлым и будущим.

Время характеризуется тем, что оно есть особый вид движения, но движения абстрактного, ощущаемого только тогда, когда происходит какой-то ряд событий. Время в разных пространствах и разных категориях скорости движется по-разному именно потому, что оно абстрактно, а предметы, события конкретны.

Время, существуя в поле абстракции, может сжиматься, раздвигаться, стабилизироваться, распадаться. Событийный ряд его упорядочивает, но не создает. Поэ-

тому в определенной событийно-временной точке можно реально почувствовать «другие времена». Энергетическое поле вещи – события существует всегда и является конкретным наполнителем времени.

В минуты отказа от христианства Европа вновь откатывается к первоисточнику своей ментальности – к Троянской войне. Ощущение правоты силы и первооснов культуры, не обогащенные христианским сознанием, но лишённые первобытных интуитивных чувств добра и судьбы, приводили Европу к катастрофе имморализма.

Отсрочка, данная Трое перед ее падением, могла поставить на чашу весов будущее появление Европы. Но этого не допустит Бог, этому не позволит осуществиться Агамемнон, не сможет противиться судьбе Ахилл. После сокрушительного поражения Нестор иронизирует над вопросом Ахилла, пославшего Патрокла узнать о судьбе греков:

Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
Медью враждебной в бою пораженных? Не знает
ли все он

Горе, постигшее воинство наше!

Не выдерживает Патрокл такого упрека и в доспехах своего друга Ахиллеса, на его колеснице, вступает в бой. Бешено теснит он троянцев. Но судьба – это судьба. Патрокл должен погибнуть от руки Гектора и погибает, пораженный Гектором и Аполлоном. Свершилось.

Гибель Патрокла – начало гибели Трои. Закончились изнуряющие 9 лет борьбы, теперь время спрессовано до предела и раскручивается как сжатая пружина. Узнав о гибели друга, Ахилл погружается в отчаяние, раскаивается в своей гордыне, и ничто не радует его:

О, да погибнет вражда от богов и от смертных,
и с нею

Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство
вводит.

Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда,
Скоро в груди человека, как пламенный дым,
возрастет!

Гневом таким преисполнил меня властелин
Агамемнон.

От этого гнева погиб Патрокл:

... Зевс-громовержец все мне исполнил...

Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла ...

Теперь единственное его желание – отомстить, хотя он знает предсказание – после смерти Гектора должен погибнуть он сам, Ахилл, но это не останавливает его.

Перед решающей битвой Ахилл примиряется с Агамемноном, верховный вождь торжественно обещает отдать и все, что обещал Ахиллу ранее, и прекрасную Брисеиду, из-за которой разгорелась вражда. Но что с того Ахиллу, когда погиб его лучший друг!

О! Почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс
разоривши:

Сколько ахейских героев земли не глодало б зубами,
Пав под руками враждебных, когда я упорствовал
в гнев!

Только теперь, когда боль утраты коснулась его, Ахилл понял всю бессмысленность и несправедливость своей обиды и вражды. Трагедия его и Агамемнона в том, что их судьбы переплетены, подчинены более других воле Рока. Исполнив свое предназначение, они оба должны погибнуть. Агамемнон знает, во имя чего он разрушает

Трою. Ахилл должен разрушить ее. Елена – повод для гибели Трои. Брисеида – повод вражды между Ахиллом и Агамемноном. Но эта вражда – знамение судьбы, которая напоминает, что победа не радость. Победа – это тоже кровь и гибель. Победа убивает победителей. Она, победа, есть лишь знак того, что исполнилась Высшая воля, судьба, но платят за это обе стороны. Гомер показал в первую очередь не трагедию побежденных, а трагическую судьбу победителей. Исполнив волю рока, истории, Высших сил, победитель погибает, деградирует, пускается в неизвестное плавание. Словом, либо он конченный человек, либо должен переродиться и родиться заново.

Это роковые моменты истории, когда на земле сгущается судьба и правит Бог; оттого под Троей сражались не только люди, но происходит и битва богов. Ведь Судьба – это течение времени в том или ином направлении, и какой вектор будет избран, так и пойдет история. И боги хотя и испытать Судьбу, но она неумолима. Агамемнон, зная Судьбу, неукоснительно исполняет ее веление, все более и более отркаясь от себя. Боги Гомера слишком самолюбивы, чтобы быть смиренными. Человек, несущий бремя Судьбы, морально выше их. Боги Греции бессмертны, и оттого им присущ имморализм. Человек смертен, но одухотворен знанием Судьбы, поисками истины и страданием. Этим он близок к Богу, которого несет в своей душе, еще не зная Его. Потому всякая попытка обоснования сверхчеловека отдаляет нас от Бога. Сражение Ахилла с Гектором, смерть Гектора, потрясающий душу разговор Ахилла и Приама – не врагов, а двух несчастных людей, потерявших самое дорогое, что у них было, – все это преддверие гибели Трои.

В самый момент гибели Трои мы не знаем, что делает Агамемнон. Он командует взятием Трои и дворца Приама, но убийство и грабеж богатейшего города Азии не его дело. Все дары от получит от воинов, лучшие рабыни достанутся ему: он – верховный вождь.

Наверное, он смотрел на пылающий город, не испытывая ни радости, ни злобы. Исполнилось то, к чему он шел всю жизнь, за что сражался 10 лет. Погиб город, который угрожал всей Греции. Вместе с потомками уцелевшего Энея Греция создаст Европу. Агамемнон исполнил веление Судьбы и был опустошен, ведь дальше – забвение. Судьба благодарит по-своему. Ее благодарность не в том, что она меняется, а в том, что приоткрывает свой лик.

Герой Аякс был так разгорячен битвой, что ворвался в храм Афины Паллады и грубо схватил вещь Кассандру, когда она искала защиты у статуи Афины. Аякс разбил статую. Кассандра подчинилась грубой силе, но предсказала Аяксу его смерть. Испуганный Аякс не знал, что делать ему с вещей Кассандрой. Он, как и все, не поверил предсказанию, но испугался. И тогда как дань вождю он отдал Кассандру Агамемнону. Рабыня Кассандра и великий вождь, победитель Трои встретились как равные. Ночью, когда затих стан греков и прекратился пожар Трои, Агамемнон позвал к себе Кассандру. Молча смотрели друг на друга два человека с высохшими глазами, два человека, знающие Правду. Ей – не верит никто, он – сам никогда не скажет, что знает о силе Рока. Кассандра впервые увидела перед собой человека, не боящегося Судьбы, и она рассказала ему все: что будет с Троей, что будет с Грецией – и как он, Агамемнон, встретит свою смерть. Этот сильный, честолюбивый, страстный человек примет все как должное.

О, да! Он единственный из греков, кто задержится в Троаде, чтобы принести жертвы и умиротворить свою судьбу, которой теперь правит Афина, но разве боги прощают тех, кто правил ими, вступив в сговор с Судьбой? Никогда! Агамемнон это знает. Знает и Кассандра. Поэтому на корабле, плывущем в Грецию, в Микены, их видели всегда вместе. Впрочем, они мало времени проводили на палубе. Они уходили вглубь корабля, чтобы быть вдвоем. Их тела были сухи, как и их глаза. Им не о чем было говорить, потому что они знали все. Эти последние предсмертные поцелуи сжигали оставшуюся им жизнь.

Прибытие Агамемнона в Микены было пышным. Воины украшены венками; за ними шли бесчисленные рабы и везли огромные богатства во дворец, где царя ждала Клитемнестра. Сам Агамемнон ехал на колеснице, покрытой цветами, благоухающими цветами родной Греции. Этот запах был последним земным ощущением, глаза его уже глядели в царство Аида. Рядом с ним сидела измученная Кассандра, они держались за руки как дети, готовые войти в горящий дом. Увидев их, Клитемнестра переполнилась злобой.

Может быть, угрызения совести или опасение мести удерживали бы ее. Но, увидев Агамемнона с рабыней Кассандрой, сидящих рядом в колеснице: рука в руке, такие похожие, такие отрешенные от мира, такие всеведущие, – она поняла, что должна их убить вместе. Два человека, переполненные Судьбой. Перед ними отступает все: война, дети, семейный очаг, власть. Эти двое, знающие веление Судьбы, есть тайна. Ни боги, ни люди не могут жить рядом с ними. Они должны погибнуть. Агамемнон опережает время. Взгляд вперед, на пять тысяч лет – это равно бессмертию. Такой временной разрыв не прощают боги. Они подчиняются Судьбе, но мстят Агамемнону, ее делателю, посылая бесславную смерть.

По пурпурной ткани поднялся к себе во дворец Агамемнон, неотступно за ним шла Кассандра. Вдруг из дворца раздался ужасный крик Агамемнона и женский стон. С окровавленными руками вышла к народу Клитемнестра, с окровавленной секирой в руках. Тремя ударами секиры разбила она голову великого героя и потом зарубила Кассандру. Клитемнестра, став орудием богов, свершила то, что не могли сделать 10 лет войны с Троей.

Так погиб Агамемнон, повелитель и исполнитель Судьбы, и нашла свою смерть Кассандра, предсказаниям которой никто не верил.

Кира Сапгир

оса ДООСа
Париж

Эндимион

В детстве и юности Эндимиона
Ночью украдкой любила Диана
Сонного, белого, чуждого –
спяна.

Вот под атласной и наглой луною
Он развалился на сломанном ложе,
Гладкую голову свесив до пола
С грязно-зелено-диванного вала –
Склеены, стянуты губы слюдою.
У изголовья – алая лужа.

Гладкие патлы на хлипком затылке
Слиплись в стеклянные что ли висюльки.
Блики луны на зеленой бутылке,
Плавают по алюминиевой вилке.
Бледно-латунная крышка от пива –
Папской монеткой на пыльной подстилке.
Плыла по небу чесночная долька.
К небу тянулся укроп и крапива.

Пепел и хлопья ночного тумана
Облаком подняли тело с дивана.
Льнула Диана

к Эндимиону

Платиной, льном и полночной пеной.
Лоно раскрыла поло и лунно
Ловкая ловчая Эндимиону.
Узкою лентой зеленой скользнула,
Гладкий, округлый лук

натянула –

Кратеры, полные ленивой лавой
Налиты литые тенью лукавой.
Уличным ливнем под шорох рассвета
Семя в лиловые маки укрыто.
Спит в малахитовой утлой скорлупке
В мантии скользкой
слепая улитка.

Немощно пальцы пылью осыпая,
Полынь на склоне –
Как лунь – седая.

*Есть миф, по которому у Дианы (Селены) был
возлюбленный – Эндимион. Но, будучи стыдливой,
богиня погрузила возлюбленного в вечный
сон, чтобы и он ничего не узнал об их любви.*

Елена Зейферт

доктор филологических наук
ДООС – Зейфертзавр

* * *

Ухо вместительно.
В нём качается колокол Ионического моря.
Текут соки зреющей оливы.
Греки музицируют на своём языке.
Но это лишь малая часть ушной раковины.
Внутри уха – пещеры, впадины и ключи.
Они вбирают в себя слова родной речи.
Сердце раздувается, как кузнечные меха.
На языке проступает морская соль.

Кристина Зейтунян-Белоус (Париж)
«Лунный вор» (бумага, тушь).

ЛЕДА И ЛЕБЕДЬ

ТРИАЛОГ

На изумрудной зелени легенды,
под свежий запах леса и лаванды,
под звуки тихой эллинской свирели
они любили. Мы на них смотрели.
Как скрытой кинокамерой отсняты,
просмотрены, отобраны, распяты.
Только эхо летит коридорами:
«Это Леда, которая...»

Примечание:

*Никто не видел третьего лица,
свидетеля, зрителя, гонца...*

Он наблюдал, напоминал.

И стоило.

Что без свидетеля – история?

ПРОЛОГ

Он:

От тесной влаги твоего жилища
отяжелел, как от обильной пищи,
и опьянел от зрелых винных ягод,
созревших на холмах твоей груди.

Свидетель:

Что за язык?

И грубо, и безвкусно!

Он:

Ты так в любви чиста и безыкусна.

Что нас соединило?

Свидетель:

Только миг!

Леда (поет):

О, как он неожиданно возник!

И так же непредвиденно исчезнет,
моя надежда, выдумка, жених...

Свидетель:

Его не удержать подобной песней...

Он:

Ты не боишься третьих лиц вокруг?

Леда (напевает):

О, как прекрасен солнца полукруг
и круг твоих объятий белоснежных...

Свидетель:

(с раздражением)

Она, возможно, вовсе без одежды...

(напрягает воображение)

А он-то! Вырядился в перья, словно птица!

Он:

К тебе припав, так жаждал я напиться!

Источник мой, холодный и прозрачный,

тебя я встретил девочкой невзрачной,

теперь ты мой родник в зените лета:

дождинка, белоснежка, льдинка, Леда...

Леда (поет):

Ты потому пришел, что я звала.

Когда к жилищу подступала мгла,

я не спала.

Ты потому пришел...

Он:

Ты как в бокале.

Чтоб не расплескать,

боюсь тебя я крепко обнимать.

Иди ко мне...

Свидетель:

(вздыхает)

Ах, с этими влюбленными беда,

укрыться не дают себе труда.

(напрягает воображение)

Ах!...

(заслоняется книгой «Греческие мифы»

в изложении для старших школьников)

Свидетель:

(листая книгу)

Конечно, бык – это излишне натуралистично...

а, впрочем, чувственная нагая Европа...

Оправдано частично...

тонкой натуре это было бы неприятно...

Леда хотела, понятно,

чтобы все было красиво...

Натура поэтическая...

И перед нею плоть и сила

предстали в упаковке эстетической...

Перья от Кристиана Диора...

Самообман!

Но сколько выдумки у древних...

Вырастила лилию в своем саду и сфотографировала Лидия Григорьева.

Леда (поет):

Нежный белоснежный
влюбленный Лебедь.
Влажный отважный
влюбленный Лебедь.
Огромный бездомный
влюбленный Лебедь.
Верный, наверно,
влюбленный Лебедь.
(слышен шум крыльев)

ЭПИЛОГ

*Леда в Парке культуры и отдыха
кормит крошками белого лебедя.*

Леда:

Так вот ты, мой милый, каков?
Не виделись столько веков.
Ты – бог, ты – легенда, ты – миф,
исчез, отгремев, отлюбив.
Но хлебную корку сжимая,
стою пред тобою – живая.

(поет)

Выйду в туфельках-инфузориях
на беду свою, на позорище.
Посмотри, какою стала я,
я совсем еще не старая!

*(Из-за дерева появляется Свидетель
в белом халате. Подмышкой «Греческие мифы»
и «Справочник практического врача».
Свидетель уводит Леду).*

Леда (поет):

Мне ночь теперь пустынею
и день – ее подобием.
Я белою простынкою
укрыта, как надгробием.
(слышен шум крыльев)

Примечание:

*А кто не видел третьего лица!
Свидетеля, сказителя, скопца...
Он в этом деле был всего полезней:
что без Свидетеля история болезни?*

май 1971 г.

АНТИКА РАКИТНА

ПОэма из 77-ти монопалиндромов строгого стиля, с автоэпиграфом

*вот сотадис у таза!
меси, сема,
затуси дат остов!*

1
антика Рано рот славил...
злил рот и радовал.
и, пока копила вода,
ритор лил, заливал...
сторона Ракитна.

2
ракит и рапсодов радуя,
удар вод оспарит икар!

3
антика Рабе неба Ракитна!

4
мера секла:
у глины – бароны,
ведун и рабы...
барину – девы,
но рабыни!..
лгу – ал кесарем...

5
яра се Каша –
Чаша Кесаря!

6
яра секундой –
ор кто кинул?..
гулял вар,
псово справлял углу...
ник...
открой одну –
кесаря!

7
аве, вор и миров ева!

8
ракит и тел зов –
худ зов.
лав звоны – сынов
звал воздух –
возлетит икар!

9
себе нижу вести нар:
харонит сон-юмор дни –
лапти в суме
и рвы тмутаракани,
вереды,
нор канон...
чар монет стоила –
двинет антика
руку раkit на тени
вдали от стен омрачно,
на кроны дерев
и на карат – ум!..
ты ври ему –
свит палиндром юности –
нора хранит вес –
ужи небес.

10
аве,
вор и Мир,
и Миров ева!

11
мера се: кончал злочно?..
кончал бой облачно?..
кончал злочно – кесарем!

12
яра секаша
Чаша наша – Чаша кесаря.

13
сапфо: «...а вас
саваоф пас?!»

14
учу...
химера се –
кончал зело богине в горло
дико-мрачно гончар,
мок идол – рог,
вен иго боле злочно –
кесарем их учу.

15
силы мор:
охренев, вяз, влагал вене,
влагал,
взяв венер хоромы лис.

16
лису куда ад укусил?
17
лис он – оду деду доносил...

18
яро, мило
в ладе пустот лепил липу –
кокотку сил мира секунд
осилим,
а к евам рад азарт –
улад дал с утра задарма
веками лис –
одну кесарим лису.
кто коку пил ли, пел,
тот суп едал воли моря!..

19
меня
опел лидер быта мотивом
и рыдал: «кумира секу!
кесарим уклады римов
и тома!..»
ты бредил лепо! – я нем...

20
...и не мал.
прости – на рати я нем!
тина илит
не в кумире миров – ох испортит,
«оди ет амо» творя, он.
и, кашу ран наруша,
кино яро в томате
и до титропсихов
о риме риму
квентилянит меня,
и таранит сор пламени!..

21
тираж тира сек в оке ват он
и немел – Платон! –
вяз в себе, небес взяв нот, ал.
Племени нота веков
кесарит, жарит!..

22

мера секла жопу курсивом!..
яр, пуган арес
и сер, а наг –
упрямо вис,
руку пожал кесарем!..

23

я лире сек корпус...
ясли лелея еле, лился суп –
рок лире мерил я.

24

мера –
секу суп опусу кесарем.

25

суп омыл.
злы были озарили:
лира, зоилы... –
был злым опус.

26

миров том умим
им ум отворим

27

мир тми.
рим трим.

28

мир менять –
тир щепоти Спарты –
могу, тматерик!
если мира секунда,
дну кесарим ил.
секире там туго.
мы – трап.
Сито пещрит!
и тянем рим!..

29

рот сор перемыл зубов и буров –
лишил их у ртов
и семян, и яня-иня!..
месиво трухи лишил вор,
убив об узлы
мере простор.

30

я хитро посева бил
и дороге-ноге чиню...
не мил, а дыбил –
семян закон ал!
звон отвори перемен –
водоголоса гороволос я в речи лил:
аватар – коса,
блог окон и дома...
пиши ж умишу сыто!..
пел илот яро милоту тел –
ангел антики худ –
там сократ сидел –
суверен.
отчего Боли там сок и тут?
им атлет рад ли? – потел...

зов (и не мер вонзал лаз,
но времени)
во зле топил дар тел
там и тут
и косматил о Боге что?! –
не реву, следи –
стар, космат дух,
и кит налег на лету
то ли моря,
то ли лепоты суши...
мужи шипам
одинокого лба сократ
валили червя –
соло во-рога, соло годов –
не мере пиров тонов зла,
но казням
если бы дали меню –
ничего не городили бы.
вес опор... тих я.

31

отчего Бог?
о Боге что?

32

вот нал –
атлант –
нал талантов?

33

и черви,
и лилии
в речи...

34

рек налил лесам –
массам – лилии рот...
сила талантов! –
ужу гомером.
вот нал – атлет –
он на том утёсе
небеса на себе несёт –
умотан.
но тел талантов – море!
мог ужу вот,
налатали истории,
лил массам масел,
лил анкер.

35

рек,
наимал самсон в оке.
в вере – дыра.
часы менял,
для
не мыса чары дерев – веков,
но с маслами анкер.

36

отчего Болит «я»? –
в совести отстоя отстоит?...
сев освятил о Боге что?

37

в охре веков я мал:
плед и волосы нелепы
на рабе ритмов,
и светел ветер, а канул,
а блинами гор оплыл,
пороги манил балу
на карете в лете,
в сивом тире бараны пелены,
соло видел –
пламя в оке верхов!..

38

яме солил зоил о флирте
в нову нику срам.
юловремя –
ноет на поле оно –
оно ело пантеон.
я мер волю марсу кину –
вон ветрил фолио злило семя!..

39

ноет на поле он...
О'но – око алое.
ем зону риска –
«море» сурово:
ресницу пакли
ломал, а ренегат,
нега овеном
шалила шмонево,
агента генерала
молил капуцин,
серо вор, серо – максим!..
руно змее!.. о, лакоон!..
О'но ело пантеон!..

40

толпы тел – леты плот.

41

кумира сексот
валил судов азы –
таки ли? –
забеременел одой
опус – пантеоном – ряд,
а руке-веку рад.
ярмо ноет, – на псу!..
пой о доле, – не мере, –
базилика, –
ты за воду слила
в тоске сари мук. –

42

то в тоске себе
на небе сексот – вот.

43

лирово гнил бубен.
кричи!.. шипи!..
городам тирад же дана сура.
понт окучи, ров,
тел воду учи, бубен!

клёв зови крамол!..
се мерил – язв мера!
сексот, крои заново
сплавь четыре
в торте ши...
откровение дал,
коврижками манит,
сипло ташил... иду!..
вёл к аду клёво хит –
и мата поле летит!..
ем о лете оры – смотрите –
демосо-голимо дал кости!..
отсмолит стибло
до лба бабло!
долба бабло долбит стилем,
стоит с окладом и логосом,
едет и ртом сырое тело метит...
еле лопатами тихо вёл куда
клёв?..
удилища толп истинам
и мак,
жир в окладе, –
и не вор,
кто ищет рот веры!..
течь, вал, псовоназ
и ор
кто с кесарем взял
и ремеслом арки
возвёл к небу?..
бичу
удовлетвори чукотно
паруса надежд,
а ритма дороги пиши –
«чирк!» – небу блин говорил.

44
город мору – тлен,
еде – лоно диавола –
молоко...
самодур холил сон:
дал тур Бытия и ты, Брут, –
ладно слил охру дома
соколом ало – в аид! –
он оледенел туром дорог.

45
в охре веков соло гудело
либо путина дебела...
ад ел...
о, рок! – сон верб...
а лил и падал огонь лет:
ливень на руки,
лыса чума
рдела, звала в зале драму,
часы лику
рань не вил тельного лада...
пилила бревно скоро леда,
а лебедани тупо бил о леду
голос в оке верхов.

46
о, лаокоон!
мети не мер века...
раб веков,
он вербовал, губя,
леди сердца...
в море лав аккорд
орбит ор куёт и дарит!..
а круги фанер – арена,
фигурка – тира дитё.
укроти, брод, рок!
кавалером в цедре
сидел я б у глав...
о, бревно в оке! –
в бараке времени темно.
око ало!

47
русы в око веры
сто туров ох и спрашивали!..
кирки дев осуровели.
горы вал слетел:
славы рог и леворусовед,
и крики лав, и шар психов...
орут, отсырев, оковы сур!..
48

в оке,
в арте были сто венер –
хотели билет,
охренев от силы ветра веков.

49
волгу мер пусти –
радуя, ударит
супрем углов!..
50

киля мрак
резал воду чанов зла.
дал звона чудо
в лазер карм ялик.

51
жарит в трап
ялу зевс – яда край, –
око пеняя, ногу ярому морим.
себе судия и вар о мере – ром.
а на одре в тире тип –
юпитер! и твердо.
а на море – реморавия!..
иду себе с миром у моря,
угоняя непокой аркад,
я свезу ляп-арт в тираж!

52
манит синева вен...
голоси мат
и мяса мир мани –
шампур троили...
гомер, о мере
топором пиши сенсорно!
косе – бараки!

не чудо раним, а толпу трои!..
ада или воров илиада?..
и ор – туп лотами народ –
ученик арабесок – он рос...
неси, шип, мор о потере –
море могил...
и ор –
труп машинам рима
сям и там!
и соло гнева – вен истинам!

53
вол снов злил.
злил звон слов.

54
вол синел,
томяся матом и мерилом,
и чиркая овёс видом у мод,
и всё воя...
а кричим о лире мимо! –
там я,
сям
от лени слов...

55
диавол с нами? –
рай ужат, а рвов либеро
хватило беду моря – адовы
вал горя и туман мути.
било берег ало!..
лепил ил и пел о лагере
боли битум.
намути яро гла'вы, вода!..
яро муде болит,
а в хоре бил во врата!..
жуй, ариман, слов аид.

56
диаматопотам – аид!

57
итаккой окопай,
а покой окати!

58
вор и мира' сек – мера!..
буки-веди стоик толоч.
ищи лапу щетине,
звени,
кати,
учи, булат!..
нем // софокл –
оттолкофос // менталу,
бичу итаки.

не в зените шупали щиколотки,
отсидев и кубарем,
кесари миров!..
59

лепя соло,
гончар мерил софокла,
лепил, и пел алкофос лире,
мрачно голоса, пел...

60

ада и литра загула норов! –
тирадой он
и миры до вопросов доводил,
и доводы миров;
и левопути
тупо вели во римы;
доводили довод во сор поводыри...
миной одарит ворона луг!
азарт! илиада!

61

«я ела лапу низины»
(плоть).
не мерили сор богини.
толпы мирил ерзац не в том,
опиша море, –
тело пером выдохватил.
анаксимандрим и телим
и милет, и мир.
дна миска налита.
входы в море – по лете рома.
шипом от венца зрели римы.
плотин иго бросил,
и ремень толпы низин упал,
алея.

62

яро в теле яром! –
и макси-руно звала поза мучения,
а пелена – городу...
но звала в зону дорога нелепая,
и не чумазо пала в зону,
рисками моря еле творя...

63

«тук-тук» тку. ткут...

64

кесарю срезал рок срок,
улетел в XX в.
летел укор скор.
лазер сюра сек!

65

мастурбировал
и «тук-тук» ел вор,
и мир уделан в нале.
дури миро влекут
кутила вор и брут сам!

66

дно, торс, соло... –
кино дал мор, беря расе клич,
умело древо рим лепил,
и пел мир о вер доле,
мучил кесаря ребром ладони
колосс ротонд.

67

поле не певал
и пел возле во гневе что
мор об атаке?! вот –

«сине ира ет студио» надо!
вол сопеленал и, ревя,
ребром адама мимо топки левел, зовя
расе кентавров лав зону.
рвы в звене –
мере полян воинов.
о руне пел зов,
литотил во зле пену ров:
он ио внял,
о перемене взвыв,
руно звал вор ват –
не кесаря, во зле велик...
потом имам,
ада мор беря, верил...
а нелепо слово дано!
идут стеариенисто
века табором...
отче! вен говел зов –
лепил «аве» пенелоп.

68

ад у Крита стеариенист –
и сарказмы пути
не лезвиями,
но тиражами метит.
сор простите мима –
жарит он имя,
и в зелени тупым закрасит...
«синеирает» сатир Куда?

69

тир – Клад, сонор Хлама,
нота значения –
выл пулями,
не мер выдал – цели жупел!..
сослепу

жилец лады времени мял,
уплыва...
и не чан затона мал –
Хронос дал Крит!..

70

я слил ор пен,
но он не пролился!

71

сон... мелка контра.
закат.
миро в огне пути претерпело
и жарит теомиры
дитяток, судов,
бабки дар...
«горим!» – вопил Кичу.
Куда манит сор?
пенит сип Лот себе.
столп истине:
прости нам ад у Кучи Клипов,
мироградик баб,
воду с котят и дыр...

и моет тираж,
и о лепре терпит...
у пен говорим так азартно,
как лемнос!..

72

не мор говорил, а заплатка,
факир – о тире шрама наук.
шил одежду им.
а ныне – деводы
да сандалиии нежу ног...
олимпу пуп милого нужен,
и ила дна сады
доведены нами
уже до лишку!
а на марше – риторика факталпа,
зал и ров огромен!..

73

тур Бытия не мыт.
луна – зеро в обмане вен.
амбово «резанул ты меня...
...и ты, Брут»

74

дел спеленал зенит
волос
и соло.
в тине зла нелеп след.

75

я и мордотроя –
отстоя ортодромия!

76

турбобур галер
том сунул в морту отчу.
бур тут вновь солил
в мере
ром
и ремул.
и чудес метазенит
в себе ноет,
в тео небес,
в тине затем...

сед.

учил.

умер.

и море мер влилось
вон в ту трубу,
что утром
в луну смотрела грубо,
брут.

77

не простя, претерпи,
гробик, –
ямы делит свита коме движений,
и не жив демокал,
и, в стиле дымя,
киборги претерпят
сор
пен.

Борис Бартфельд

Калининград

ГОМЕР

Слепцом ли быть?

Лишь слышать, осязать,

По камням

Белой тросточкой стучать,

Молчать, всем телом

Превратившись вслух.

Или остаться зрячим?

Гоняться за бродячим

Вепрем, выцеливать его копьём,

Ломать событий привычный круг –
что выбрать, друг?

Ждать две тыщи лет

Рожденья Брейля?

Сражаться с Гесиодом пред царём,

Петь войну, сжечь Трою,

Историю с конём

Придумать, от вождельенья млея,

Оставить Одиссееву жену

Навек соломенной вдовою?

Паломничать –

Призвание слепца!

Перетерпеть античность до конца,

От ожирения

Страдать в эпоху просвещения

И умереть от голода в барокко,

Не навсегда, а лишь до срока,

К примеру, от обеда до утра.

И утром вновь ожить,

Чтоб выпить

Свежевыжатого сока.

Владимир Аристов

доктор физико-математических наук

Термы Диоклетиана

Бани я несколько раз обошел стороной

Пинии Рима отчетливы были на фоне

бледно-закатного неба

Буратино на вершине сидел

Шишки сымал и бросал в фонтан

Тень Диоклетиана обнаженная

Явилась, но не для всех

Тем лишь, кто прочел «Историю Рима» в трех томах

Тем лишь, кто засмеется

заслышав глупое изречение по латыни

Всем остальным остается

речь их родная

влага фонтана

и незримая тень на лице

от сеток косых римских старинных лифтов

Андрей Баранов

В паноптикуме ночи

Плуг месяца, сверкающий с небес,

взрывает чернозём межзвёздных бездн,

не в смысле – рвёт. а в смысле – поднимает

пласт за пластом. И звёздный Водолей

бежит, бежит за Девойю своей

и никогда её не догоняет.

Зодиакальный замыкая круг,

ползёт по небу звёздчатый Паук,

напоминая чем-то скарабея.

Телец бредёт на Млечный водопой,

и Андромеду с улицы домой

зовёт – не зазовёт Кассиопея.

Но Андромеде в сутолоке сей

не до маман – её нравится Персей,

пусть даже он опасен и порочен.

Она за ним следит издалека,

и мифологий чистая река

течёт века в паноптикуме ночи.

Александр Петрушкин

Кыштым

Фрагменты
из БЕСТИАРИЯ

ОРФЕЙ

Орфей в котором женщина, в которой
растёт он сном и, протекая внутрь
четвёртой мглой, сочится через поры,
чтобы её над светом развернуть.

Спускаясь в женщину, он чувствует её
смолу, что обжигает каплю кожи,
которую он ей преподаёт,
чтобы она вернула ему позже

вот эту ночь морскую, как звезда
и восьмеричную, как все пути обратно.
Ты понимаешь это? – если да, тогда
не двигайся, смотри – здесь всё не ладно:

здесь женщина, в которой спит Орфей,
не возвращается, поскольку не уходит,
но вышивает лишь мужчину на себе,
который [будто смерть] её не тронет,

но станет продолжением её,
дыханием её равносторонним. И если Боги
существуют, то они
застыли между ними на пороге.

МЕДУЗА

О, женщина земли ливийской,
которой выпадает жить
костяшка из морей и меди
как птаха, что в силках дрожит,

как обещанье материнства
или залог, что смерть придёт,
прядёшь коралловые нити,
но будет всё наоборот:

не там, где юные проходят
в твоих змеиных волосах
[чтоб конь, как скифы все бездонный,
котёнком пел в их нежных ртах]

не там, где – взяв до половины
в ладони часть своей вины –
окаменеешь, как пороги
постыдные, когда видны,

когда невидимое чудо
в стеблях своей крови несёшь
свернув своё лекарство жизни
в смертельной головы кусок

Галина Мальцева «Медуза» (компьютерная графика). Специально для ПО.

Варвара Черковская

Солигорск

МИТРИДАТ

436 лет
кормила грифонов
неизданными стихами
дарила
их орлиным крыльям
полетность
расчесывала
золотые гривы
усыпила
бдительность
стражей горы
и вот Керчь
пантикапейна
выдох... вход
на лестницу
в 436
ступеней
успокой ветер
это Я поднимаюсь
мой Митридат
наложницы и супруги
не стоят моего мизинца
им стоять у подножия
твоей горы
звон их кастрюль
и драгоценностей
раздражает грифонов
я прохожу среди них
прозрачно
пренебрежительно
какими легкими
грифонолюбимыми
делают нас
стихи
на свидании прошлом
море было
бирюзово-томным
сейчас иссиня-черное
топит белые паруса
одиначеств

436! боюсь,
что за эти ступени
ты постарел
хотя мы умеем жить вспять

наш дом –
безвременье
на этой горе
я не принадлежу
себе-тебе
ты не принадлежишь
мне-себе
но это любовь!
ведь у тебя дрожат пальцы
там, на самой вершине
пока не знают грифоны
этими невидимыми
сильными руками
ты впервые сможешь
меня обнять
после 436 моих признаний
о том о том о том
это личное...
помогала римлянам
строила глазки
твоим
сыновьям и слугам
убила убившего
колдовала тебе жестокость
прятала в склепе горы
волшебную лошадь
чеканила твой профиль
на монетах
воровала твою силу
выпивала твою жизнь
но... из-за этих мелочей
ведь ты не разлюбишь меня,
мой Митридат?

434

435

436

метроном ступеней
ветер горы сплетает
наши души волосы
тени мысли

тенемысли
мы разбудили зенитки
тысяч тысячи залпов
звоны залпы напалмы
тысячней тысячи тысяч
пантикапей снова керчен
за нас накажут грифонов...
налетают злые
машут крыльями
крутят пальцы
бьют змеиными
хвостами... ами... амии...
тащат за полы
плаща вечности платья
мы снова будем
кормить их
ненаписанными стихами
вдох – и выход
безветрие
штиль
лазурно море
грифоны лижут мне щеки
вытирают слезы
судить не умеют законом
милостью судят дигбийской
милостью судят понтийской
мой Митридат!
через 436
ступеней
лет
мы встретимся снова

Семен Гурарий

Мюнхен

ЗНАК ОДИССЕЯ

...припудренных основ
словарь слоёный,
в крапивное турне
взлетел по турникету славы,
чтобы в мешке ветров,
Эолом напоённом,
увидеть, как цветёт
оскал вражды тысячеглавой.

...под ливнем обаятельного
брёда, баек, слов,
в учтивом обмороке
вытянутой шеи,
пустынный остров
одичалых снов
не доверяет
откровеньям Одиссея.

...что Пенелопа для тебя, Улисс,
что дом, что Телемах? –
один, последний раз
согнуть свой лук дугой,

своим признать чужое,
и без волнения, с размаху
стрелой вонзиться
в воздух пустоты, в покой?

в стране покоя – призраки,
страничный шелест, алфавит,
безвкусные столбцы кавычек,
запятых, а также знаки-имена,
что в судорожных домыслах –
то ли убиты, то ли не убиты –
указывают путь туда,
где ежедневно дешевеет тишина

ЦИЦЕРОН

Бочарный свод
младенческих молитв,
святых предвестий
скудные остатки.
Страх Цицерона
в Форуме разлит
виной кокетливой.
Услужливы догадки:
единоборство проповедей -
труд непосильный
в жилище римских фресок
и мозаичных прогулок.
Фальшивит плебса
хор любвеобильный
в невятице простора -
Рим бел, удушлив, гулок.
В Гайете море же
с наивным придыханьем
не океану, детству подражает:

смешав под птичий клёкот
земной, привычной фуги чертежи,
забвеньем привораживает, льстит,
лукавит, недомыслом исцеляет...
Тень палача?
Презренный горизонт молчит,
лишь кратко звякают ножи в тиши...

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

*

античная глушь
дождем
золотым
даная нагая
впивается зевс...

куда занесли меня
голые греки
мира
и
рима

дискретность

нагой цветок Афродиты
над океаном чувств
вечность остановилась

бочка Диогена

время не ждет,
оно нас идёт...
бочком, бочком –
иди в бочку.
полезай в ю-бочку
смело.
у каждого должна быть
своя
бочка Диогена.

двойник

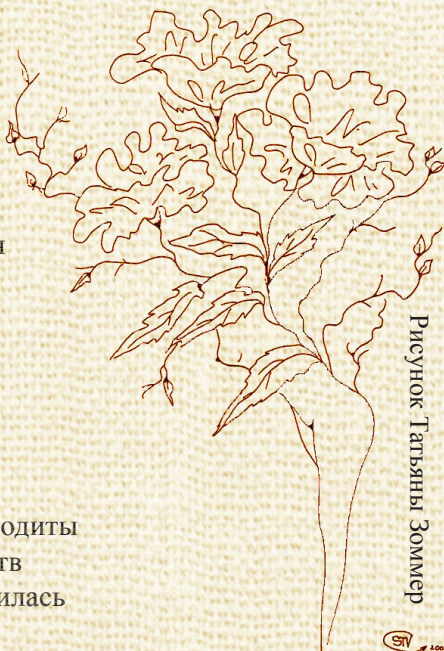
двойник – искусство
глядя в себя
проникать в Лету

нарцисс заснул

себя играя в женщине
нарцисс заснул
игра продолжилась извне

миф

брошенные в века камни
гранит бриллиантов
о-гранит несуществующее

икарамысли

пыталась представить
на каком кара-мысле
удалось бы тащить
зараз
три ведра смысла..
чуть не плюнула
в колодец с-мысли
поскользнулась
упала
но вовремя схватилась
за икарамысли

Игорь Балюк

ДООС – украинозавр

Ню

Ты спишь, а я тебя рисую.
Сжимаю кисточку в руках.
Ты знаешь, а, пожалуй,
я блефую
вот в этих самых, четырёх
строках.

Возможно, я ушёл в ночную.
Ты продолжаешь где-то спать.
А я сжимаю, но уже – иную.
Её случайно довелось мне
повстречать.
И эта встреча не изменит
абсолютно
желания тебя дорисовать.
И скажешь ли, что жизнь моя беспутна?
Как знать.

Сомнений нет

сомнений нет
и нету мнений
и нету больше ничего
в ряду твоих сердцебиений
от вождельенья моего

в нем прячу стыд
в нем прячу ворох
любовно-плазменных речей
о том что путь к тебе так долгод
и жутких орды басмачей

на скользкий путь ногою встали
одной второю не рискнув
и сразу видимо упали
все ту же ногу подвернув

лежат они бреду меж ними
повсюду стоны и мольбы
а я иду к тебе к любимой
по ровной линии судьбы

Александр Смир

Санкт-Петербург

Чудище на продажу

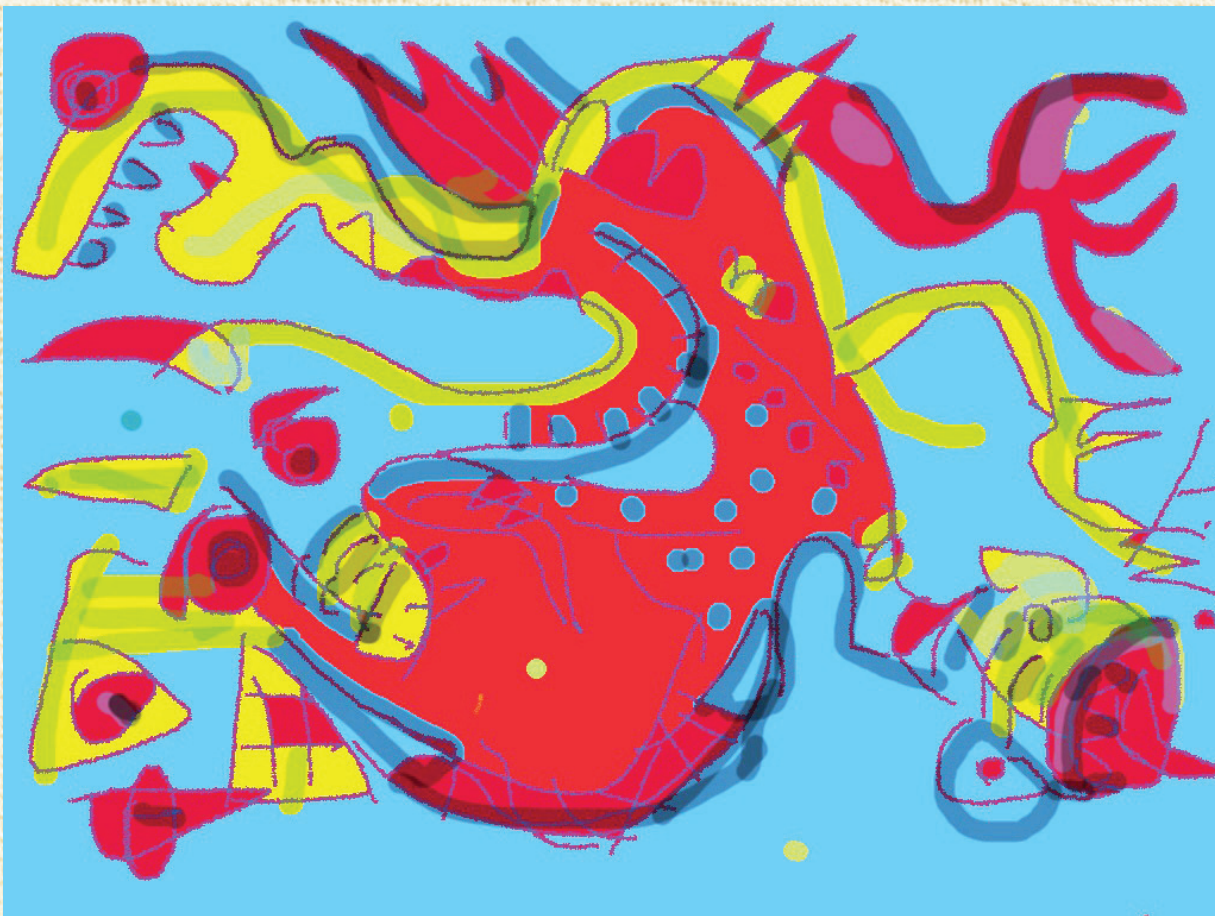
Сим Брей и Выбергет Фосуа гениальные, но сумасбродные фанатики от генетики были изгнаны со всех планет Содружества Всеобщей Добродетели за опасные, непонятные по ненужности эксперименты в области создания непотребных уродливых существ. Найдя случайно Солнечную систему не охваченную диктатом Содружества, они тихо устроились на уютной планете под местным названием Земля. Затихарились и начали работать над новыми идеями. И вот спустя годы самый дерзкий, самый крутой труд был закончен.

Сим Брей и Выбергет Фосуа пировали. Пировали вторую неделю. В глубине светлой рощи, на просторной и чудной поляне. Правда, порядком вытоптанной и загаженной ими же. Вин и яств вдоволь, ибо за что праздновать. И они себя не ограничивали. Настал их звёздный час. Они сделали это. Почти тридцатилетний труд закончен успехом, теперь триумф и очень большие деньги. Главное договориться с шизонутым правителем одной из непонятных планет о продаже своего изделия за весьма достойную цену.

Осталось дождаться грузового корабля. Итак они создали самое мерзкое на свете существо. Проверили его в деле. Пугало, отвратно и ядовито смердело, приводило в ужас. Пожирало всё и вся. В общем, прекраснейший экземпляр отпетой дряни. Завидуйте создатели драконов. Впереди обеспеченная (нет – богатая) старость. Любые прихоти и утехы. Покупай себе планету и делай что хочешь. И никто тебе не указ. Ох, заживём!

Внезапно появился запах дыма. Похоже горела роща где-то на краю болота. Тишину вдребезги разбили хриплые рыки. Вопила их любимица. Резко отрезвев рванули к болоту. Их встретила страшная вонь подгорелого мяса и разогретой разлившейся желчи. Окончательно поседев старики смотрели на уничтоженное чьей-то безжалостной рукой своё светлое будущее. Перед ними валялись куски змеиного тела и множество отрубленных голов. Гидра восстановлению не подлежала.

В это время Геракл после победы над Лернейской гидрой гордо шествовал к кораблю. Его ждали новые подвиги.

Галина Мальцева «Гидра» (компьютерная графика). Специально для ПО.

ПЛАТОН. ВОЙНА ПРОТИВ ВАРВАРОВ

Ветвь Аристотеля, ветвь Ницше и ветвь Платона – три ветви, которые виднеются ныне на пенечке-децентраторе философской гносеологии.

Самая нерадикальная ветвь связана с именем Аристотеля, который призывал познавать мир находясь на «земной поверхности», без углублений в неизведанное (возможно из-за этого Аристотель так близок материалистам). Иначе проблему видел Фридрих Ницше, так как считал, что прежде чем познавать «земную поверхность», сначала надо понять сущность «пещеры», познать ее из глубины.

Поэтому Ницше вместе с Заратустрой и зазывали своих читателей – слушателей в занятую и полную приключений спелеологическую экспедицию. Предтеча европейской философии Платон, отец метафоры о «каверне», вряд ли смог бы положительно оценить устремления Аристотеля (для Платона «земная поверхность» мало отлична от ненавистной ему «каверны») и своего польско-немецкого «ниспровергателя» (погружение в «пещеру» может привести к «одичанию»).

Для Платона важнее всего идеальное и совершенное. Для него важен выход из далекой от идеала «каверны», тождественной «поверхности земной». Этакий уход в трансцендентное путешествие по сингулярным кругам. Моя память хранит молчание об авторе этой неточности. К тому же, эту мысль может развеять то, что Платон не был лишен прагматических чувств. Именно объединением прагматики и собственной «идеалистической системы» (если такое слово применимо к философии Платона) продиктованы его размышления о войне.

В трактате «Пир» (здесь и далее суждения разворачиваются: из текстов книги «Мыслители Греции. От мифа к логике»; Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков Изд-во Фолио, 1999. – 832 с.), где подвыпившие греки и никогда не хмелеющий Сократ (не хмелеющий потому, что он есть Истина) говорят о любви. Сами рассуждения очень хороши и ценны, но так как речь идет о войне, то следует остановиться лишь на одном моменте, который касается воспоминаний Сократа о диалоге с мудрейшей женщиной Диотимой. Диотима открывает Сократу тайну о том, что любовь – это вечное обладание благом, а беременность и рождение (неразрывные составляющие любви) есть доля бессмертия и вечности для человеческого существа. И в этом плане интересны следующие рассуждения, близкие нашей теме: воин идет на смерть ради славы и вечной памяти о нем, которая сохранится в песнопениях о героях. Так объясняется психологический (умирать не страшно, ибо меня всегда будут помнить) и рациональный (умирать выгодно, ибо имя мое навсегда сохранится в ваших сердцах) мотив готовности солдата к гибели. Можно предположить, что непопулярность нынешней массовой армии связана с тем, что она не может гарантировать героической смерти. Современная армия не гарантирует того, что после смерти воин превратится в демона, которому будут поклоняться после смерти.

Более основательные измышления о войне Платон дает в «Государстве» (правда, эти измышления также не столь велики). Платон (опять же в лице Сократа) говорит

Андрей Балабуха

Санкт-Петербург

Монолог Харона

Неведом и дик

Лежит впереди

Край за туманной рекой.

Ходят туда

Только суда

Компании «Вечный покой».

К чему здесь уют

Роскошных кают? —

На палубе стройся, скот!

Да и река

Не широка —

Всего-то один переход.

Да, выпивки нет,

И свежих газет,

И завтрак в постель не дают,

Но до сих пор

Этот комфорт

Никто не востребовал тут.

Ну, в тесноте,

Удобства не те,

А что, потерпеть слабо?

Сервиса нет,

Но и билет

Стоит паршивый обол.

И нечего здесь,

Скукожась, сидеть,

За шкуру свою дрожа, —

Этот паром

Шкипер Харон

Ни разу на мель не сажал.

Туман — не беда,

График всегда

Выдерживаем тик-в-тик:

Всяк в свой черед

С борта сойдет...

Вопрос лишь — куда сойти?

Стой на носу,

Догадки тасуй,

Терзай без конца естество:

Ад? Или рай?

Просто дыра?

Иль как там? — «...по вере его»?

Да будь ты хоть царь,

Но в оба конца

Билета продать не могу.

Вспомнишь добром

Старый паром,

Оставшись на том берегу!

о четырех универсальных добродетелях, которые в своей совокупности могут быть автономными (добродетели сами по себе, добродетели вообще), так и приложенными к идеальному государству (в целом, добродетели от идеального государства неотъемлемы). Итак, четыре добродетели: мудрость, гражданское мужество, рассудительность, справедливость. Так как эти добродетели универсальны, они могут быть переложены как на саму войну, так и на ее творцов и участников.

Так, глава «Война и воинский долг граждан идеального государства», продолжает общую логику Платона по теме добродетелей, которым в более частном (практическом) порядке способствуют общность жен и детей стражей моделируемого государства. Для чего нужна такая общность? Платон объясняет это тем, что общностей детей и жен укрепляет товарищество (коллектив тел есть тело коллективное, находящееся в дружбе и гармонии со своими органами, конфликт этих органов невозможен, он способен привести к гибели). Так возникает близость (интимная близость, в самом физическом и самом чистом и невинном понимании этого выражения). Для укрепления такой близости женщины вместе с мужчинами должны участвовать в военных походах.

Если кто-то из бойцов вдруг влюбится в женщину или юношу – это будет замечательно, это достойно похвалы, так как любовь стимулирует воина на подвиг.

Дети, созревшие для войны (вспоминается фраза одного из ораторов из «Пира» о том, что мысль у юношей появляется с первым пушком над губами, видимо, – это и есть созревший для войны человек – не совсем понятно, как быть с девочками?) должны смотреть на то, как сражаются их отцы. На случай проигрыша, им стоит находиться на безопасном расстоянии от боевых действий. На этом пособие для «родителей бойца» оканчивается, в силу вступают рассуждения на тему предателей.

А что если кто-то из воинов трусливо бросит свое оружие и обратится в бегство от врага? Его ждет участь ремесленника или земледельца, но не смерть (в этом Платон весьма гуманен, да и разумен: ремесленника, бывшего воина, на случай беды, всегда можно вернуть в строй, в штрафбат).

Вообще, война у Платона развивает в человеке все самое хорошее, развивает в нем добродетели. Война не должна развращать человека. В связи с этим Платон воспрещает своим стражам (кстати, они эллины) порабощать врагов, которые принадлежат к греческому ареалу (варваров порабощать можно).

Воинам воспрещается грабить мертвецов, так как считать убитого врагом низко и мелочно. Отсюда уважение к святыням врагов эллинов, их ни в коем случае нельзя осквернять (чего не стоит делать и с землями и деревьями врагов).

Возвращаясь к эллинам и варварам, к самому существенному моменту в философии войны Платона. Все воспрещающие действия для воинов, перечисленное выше, – они касаются только войны с эллинами. И тут Истина (Сократ) делает неожиданный ход! Оказывается, война эллинов с эллинами это вовсе не война, а раздор. Они представители одного единого мира, просто государство Платона самое идеальное в этом мире. Другое дело противостояние эллинов с чужаками (варварами) – вот это и есть настоящая война, нацеленная на порабощение и уничтожение нечужественного врага.

У каждой группы есть своя определенная культура (корпоративная этика), которая в идеале не исключает раздоров, но отвергает войну между своими членами. Но это идеал. Современному человеку стоило бы прислушаться к советам из Древности: вести справедливые сражения и не воевать с теми, кто принадлежит твоему миру.

Диалог Клиент (психотерапевтический сеанс Платона)

Артур Вафин

– Платон, мой друг, мне истина дороже, скажите мне, Что же меня гложет? Что хочется мне быть так на луну?

И ответил тогда Платон:

– О, товарищ мой, царь Дадон, все просто: вы – волколак.

– Это как? Это лечится?

– Главное – не калечиться, не травмировать себя лишний раз, беречь себя, ловить волну, экстаз, тогда эйдосы засияют и для вас! Эйдосы засияют и для вас! Эйдосы для вас!

* * *

Неистовый демократ занюхал демо-крэк.

Крикнул «кряк!» и пошел, как дурак, в народа лес слушать демо-записи Big Other Band, а также Летова, Егора Летова, много Летова;

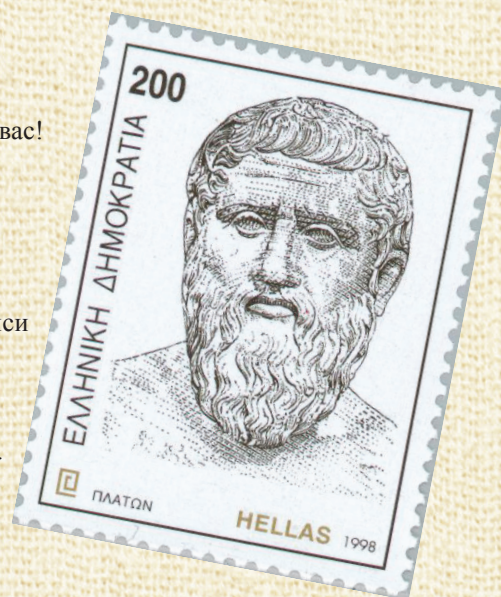
Читать Платона, дискутировать с ним в мире эйдосов

о расовой силе покемонов,

Об их возможностях и ограничениях, о способах особого лечения.

– Да никак это трупо-утк! – Проскрипел добрый Мамлеев.

– Нет, это Псидак. – Сказал Тубольцев и проглотил «Консерву».

Михаил Гардубей (Тюмень) «Европа. Кто кого», 2011.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин

Злоключения Одиссея

Одиссей привычно торопился. Сойдя с триремы, он вступил в длинный туннель. Где-то вдали смутно серел свет.

«А ты должен быть уже там», — сказал Одиссею Голос Голосов. Одиссей изловчился — и оказался в конце туннеля, у подножия лестницы.

«А ты должен быть уже наверху», — объявил Голос Голосов. Одиссей ответил, что он уже наверху, потому что действительно был уже наверху.

После этого ему сообщили, что он должен был уже пролезть в игольное ушко, и оказалось, что он уже пролез. Но он все равно опоздал в свою жизнь, и потому его жизнь живет кто-то еще.

Сцилла и Харибда

Сцилла любила Харибду, и строитель Сольнес нагромоздил для них дом. Сцилла лаяла от радости, Харибда завернулась винтом внутри повседневной себя. По утрам пища исправно рапортовала о своем прибытии. Харибда отщупывала аппетитное, омундиренное; Сцилла, зажмурясь, убивала. Холодный погреб не вмещал окровавленную плоть, и Харибда телепатировала параситам — на всякий случай, потому что параситы и так всегда знали.

Так продолжалось до начала конца, когда сгустилась околотологическая эбстановка, жить стало не по-прежнему, и параситам было рукоположено питать себя хоть подводно, хоть подковожно, но напрямую. Наличие же открыто пищелюбивых персонажей отныне дружно отрицалось, что означало, что их кувыркком выковыряли подальше от многоглазых, в Тартар.

Вячеслав Куприянов

ПЕСНЬ ОДИССЕЯ

Когда мой корабль причалит к берегу,
Вместе со мной сойдёт на берег песня,
Её прежде слушало только море,
Где она соперничала с зовом сирен.
В ней будут только влажные гласные звуки,
Которые так звучат в бледном переводе
С языка скитаний на язык причала:

Я люблю тебя охрипшим криком морских чаек,
Клёкотом орлов, летящих на запах печени Прометея,
Тысячеликим молчанием морской черепахи,
Писком кашалота, который хочет быть рёвом,
Пантомимой, исполненной щупальцами осьминога,
От которой все водоросли встают дыбом.

Я люблю тебя всем моим телом вышедшим из моря,
Всеми его реками, притоками Амазонки и Миссисипи,
Всеми пустынями, возмнившими себя морями,
Ты слышишь, как их песок пересыпается в моём пересохшем
горле,

Я люблю тебя всем сердцем, лёгкими и зеницей ока,
Я люблю тебя земной корой и звёздным небом,
Падением водопадов и спряжением глаголов,
Я люблю тебя нашествием гуннов на Европу,
Столетней войной и татаро-монгольским игом,
Восстанием Спартака и Великим переселением народов,
Александрийским столпом и Пизанской башней,
Стремлением Гольфстрима согреть Северный полюс.

Я люблю тебя буквой закона тяготения
И приговором к смертной казни,
К смертной казни через вечное падение
В твой бездонный Бермудский треугольник.

Олег Федоров
(Тюмень).
«Взгляд». 2013

СОНЕТ К СОКРАТУ

Воскресни, о божественный Сократ!
Прости сей мир за горькую цикуту.
Кто гасит мысль, тот получает смуту,
И длится дольше времени разлад.

Сверх меры век идеями богат,
Но каждой нам хватает на минуту.
Власть над умами мы вверяем плуту
И плута выбираем наугад.

Любовь сочли стремлением напрасным.
Мы разучились порождать в прекрасном.
Мы замутили древние ключи.

Наш мир в безумной подлости неистов,
Избавь нас от ликоующих софистов,
Страдать и мыслить снова научи!

СОНЕТ СОКРАТА

Не зря почтен был жертвою Асклепий,
Я призван был гармонией небес,
Покинув чернь, для света я воскрес,
Для бытия иных великолепий.

Ваш мир шатает без духовных крепей,
Хотя в быту – обилие чудес.
И не на благо олухам прогресс,
И чем точнее время, тем нелепей.

Вы от меня хотели новых слов?
Мой демон не наставник для ослов,
Самих себя не смеющих познать.

Но все мои заветы на виду:
Вверяйте думы вечному суду.
Я дал вам всё, что был способен дать.

Юлия Андреева

Санкт-Петербург

Леко

Я должен выдержать. Что бы ни случилось, но я должен выдержать. Так хотели боги, так хотел я. Облака и века проходят, а я стою, точно великий дуб в священной роще. Мимо летит солнце в своей золотой колеснице. Я приветствую Гелиоса, ведь как никак он согревает меня после холодной ночи и потом он тоже служит Зевсу, как и я.

Иногда меня посещают странные мысли, что будь я птицей, зверем или ужом, я сумел бы обойти, облететь мою дорожную землю, но я стою. Нимфы кружат свои хороводы, люди...

— Эй, ты, прекрасная, — раздалось совсем рядом. Передо мной стояла прекрасная наяда.

— Здравствуй Атлас, отчего этот хмурый, невежливый взгляд? Три дня назад я покинула родные воды, чтобы увидеться с тобой и выполнить предназначение.

— Извини, — в глотке у меня klokотало, от долгого молчания я совсем забыл, как это делается. Заметив мои затруднения, наяда щелкнула пальцами, и по моему горлу потекла божественная влага.

— Благодарю, — только и сумел выговорить я.

— Пожалуй, разговорить тебя будет труднее, чем я это себе представляла. Ну да ничего. Начнем с простого, — глаза гости смеялись. Я тоже сделал попытку улыбнуться.

— Меня зовут Леко, я дочь наяды Дамез, про отца ничего не знаю, а рыться в архивах не мое дело. С этого года состою на службе в одном из внутренних морей. Ты представляешь, что значит служба во внутреннем море? Это скука бессмертная! Вода, вода и еще раз вода. Ни тебе берега, ни тебе островка, ни размяться, ни потанцевать. А тут удача — сам Посей-

Олег Федоров (Тюмень) «Двое», 2015.

дон с инспекцией, я так по дну и растеклась вся от восторга. А как тритоны заявились, я к ним, — что хотите, — говорю, — делайте, а меня отсюда вытаскивайте. А они как раз мучаются, Посейдон все моря обошел, хотел героя найти, а его и нет. Обмелчал народ подводный. А я тут как тут. Я вам героя, говорю, раздобуду.

— Ну, и где ты им его раздобудешь?

— А у тебя.

Я чуть не упал.

— Да, ты что, милая? Я веками ни с кем не разговариваю, тем более дружить!

— А зачем мне твои друзья сдались?

— А я что? Я свод поддерживаю.

— Ну, не глупи.

— А ты объясняй лучше. Напугала. Я вспомнил, приходил сюда, еще правда человеком, сын Зевса — Геракл. Так он...

— Не нужен мне никакой Геракл! Я просто рожу от тебя ребенка, чем им не герой? Представляешь, какой миф получится: сын могучего Атласа и наяды Леко — великий...

— Да ты что, в своем уме, мне дай Бог небо удерживать, а ты со всякими глупостями.

– Ах, вот как, воля Посейдона для тебя глупости?!
– Да нет, я не это имел в виду. Но у меня миссия...
– У меня тоже миссия – родить героя.
– Но я небо держу.
– Что ж такого, пару часиков кто-нибудь другой поддержит.

– Нет, ты не понимаешь, я говорю, а ты не понимаешь... ты бесчувственная какая то.

– Это ты бесчувственный. Я же тебе толкую, это мое первое задание, да если ты откажешь, меня не то что во внутреннее море, в лужу вонючую не пустят.

– Да нет, я не против, но как же оно.

– Небо? – Леко устало подняла глаза, от чего стала еще красивее, ну держал же его Геракл, не умер.

– Леко, а может быть кто другой, это самое... ведь Зевс на меня прогневается, и потом вдруг не мальчик родится?

– А кто? Да ты что! Это же мой шанс, понимаешь ты или нет? Тебе что, меня совсем не жалко? Я тебе не нравлюсь?

Я снова чуть не выронил свод, но вовремя припер его плечом.

– Скажи, – ко мне возвращалась способность соображать, скажи, а потом, после ты сразу же покинешь меня?

– Да нет, сроки вообще не оговаривались. Посейдону нужен твой сын, а не я.

– А ты сама спешишь?

– Что я там забыла? – Леко пожала плечами, от чего прозрачный хитон обнажил грудь.

– Скажи еще, какая судьба постигнет ребенка, если это будет девочка?

– А какая судьба постигла меня? Матушка положила люльку на гребень волны и скрылась в глубинах, только брызги полетели.

– Прости, если заставил вспоминать печальное, – я не знал, как сказать, голос предательски срывается, – но не хотелось бы тебе самой заботиться о своих детях? Танцевать на берегу в лучах солнца и спускаться на дно морское за розовыми раковинами.

– О да, но Атлас...

– Подожди, милая. Не хотелось бы тебе, Леко, подниматься к небу, вбирая в себя то ночь полную звезд, то день с его лучами и облаками?

Леко смотрела, как зачарованная, от чего во мне прибавилось смелости.

– Не хотела бы ты, наяда Леко, стать моей женой?

– Да...

Мой свод стал на удивление легким, как перистые облака. Я наклонил немного небо и вылил оттуда щедрую порцию воды. Да славится Зевс, он до сих пор делает вид, что ничего не заметил.

Леко, моя милая Леко с розовым лотосом в руках. Какое невиданное счастье послали боги за мои труды! Как благодарен я им за это небо, океан, за вечного Гелиоса и за мою любимую.

Галина Климова

Метафора

Панко Анчеву

Дива широкобедрая,
в профиль – девчонка
с терракотовой кожей и талией тонкой,
в одну мужскую ладонь охватом,
на черноморском песке,
где братом
полдень,
всех распекающий даром,
бриз и облако спущенным шаром...
Лежит –
руки за голову –
одна,
утопленница, поднятая со дна.
Ни лика, ни имени. Как пустая.
Не рыщет чаек разбойничья стая.
Вино не булькнет, и масла нет,
и нет неразменного эха монет.
Лежит, как метафора,
горлом ко мне:
античная амфора,
живая вполне.

* * *

Моля*, мой Ангеле, моля,
между нами Черное море
волн табуном,
все ходуном,
а морской конек – скакуном.
А дальше украдкой на красном быке,
Европой до нитки,
но в азиатском платье
все ворковала б на воровском языке
про любовь и разлуку, –
водой не разлить их объятье.
Быка за рога, – и дальше по трассе
на аквабайке смертельной красы,
на ревущей скорости,
переходящей в страсти
в самой гуще сардин и хамсы.
По горлу Варненского залива,
по рукавам великих мне рек,
как сухопутный, приду человек,
тише воды боязливой...

– Ты здесь, мой берег?

– А я – твой брег.

**Моля (болгарский) – прошу, молю...*

Анри Абриль

берег

спутники одиссея
отведав лотоса
забыли о родине своей

так логос
проникает в нас
стирая ненужные мысли
и звуки
стирая все что могло не сбыться
останься мы
на довременном берегу

Лена Де Винне

друг ДООСа

Миф

Смотрю на облака.
Я – сверху.
По ним как будто
ветряным трезубцем
С нажимом провели
неоднократно.

Нептун в гостях
у Зевса
Был накануне на пиру
беспечном
И позабыл котомку
в гардеробе
Рая.

Её курьером
Вернули в океан
драгому гостю,
но растяпе.
Что ж поделать –
возраст...

Светлая меланхолия

Солгать, красиво замирая,
Под перепевы скрипки мыслей.
Они, изгибами волнуясь,
В полёте звука отразятся
И, флейтой звёзд переливаясь,
На арфе вечности сыграют.

Марина Тарасова

КОЛЛАЙДЕР

...шумело море синей парусиной,
и волны дыбились нестрашными зверями,
не забывая о малых сих, рыбешках и медузах,
подводных белых парашютах, скользящих налегке.
Сократ с Платоном лежали у воды
и разбавляли мыслью красное вино.
– Мы обогнали собственное время, –
сказал то ли Сократ, то ли Платон, –
что люди? Мерзостный планктон,
никто не понимает, кричат в лицо: – Мудрилы!
Ученики продажны, как гетеры.
– Вот если бы ускорить Время, –
продолжил то ли один, то ли другой,
в полудремоте лежа лицом к воде, –
разъять и расплести его частицы:
перенестись в другое время...

Потом они уснули, обнявшись по-братски на песке
и видели один и тот же сон –
как будто золотистый воздух их поднял на тугие крылья,
переместил в средневековый город,
шелудивый от запаха ремесел,
утыканный штыками колоколен;
никто не признавал двух старцев,
язычников в каких-то странных простынях,
что не могли принять единобожья,
понять – как три в одном?

Рисунки Олега Фёдорова (Тюмень).

Они исчезли в черных бородах костра,
крича в предавшее их небо:

О, боги! Время вечно!

О, Минотавр, пожирающий Время,
забывшее александрийский стих,
чтящее только верлибр войны,
что ты нам явишь из швейцарской черной дыры,
из черной кротовой норы, где роется червь познания?
Какие размытые слайды, какие скрижали былого?
Вроде футбола по-древнерусски –
вратарь, стоящий с бычьим пузырем,
забили, но не засчитали.
С трибун орет немытая Россия:
– Судью на мыло!

...Или этот, с желтыми глазами барса,
на Мавзолее,
экспроприатор власти.

Твоя протоновая пушка
Разнесет мир на перышки и пушинки,
на медуз и планктон, и одна медуза
в трепетном тюлевом платышке
похожая на фрейлину при дворе Посейдона,
пролепечет безгубым лицом:
– Скорей бы! Поскорей бы выбраться в люди,
выбиться в дамки.
О, шахматная доска Земли, с квадратами городов,
с клеточками домов,
вращающаяся с нарастающим ускореньем вокруг себя,
а не вокруг солнца!

Александр Князев

Санкт-Петербург

Белая ночь

Прозрачные боги застыли
в аллеях Летнего сада,
словно нечаянно всплыли
из кругов Дантова Ада.
Сад ночной обернулся
тихим райским приютом...

Город ещё не проснулся.
Что же увидится утром?

13.07.2015, 0:15

* * *

Античные лица
мелькают.
Мелькают...
В глубины эпох
без стыда
завлекают,
маня за собой
в бесконечность пространства.

Что лиц мельтешенье?
Любовь – постоянство?

23.06.2015, 9:03

* * *

Нимфа
вспорхнула из амфоры.
Обернулась Феей.
Исполняет желания.
И это не миф.

21.06.2015, 13:55

Ирина Силецкая

кандидат социологических наук
друг ДООСа
Москва / Прага

Эдипов род

Фрагмент баллады

Рок и свобода... Что превыше?
Поймет кто, Бог тому воздаст!
Ответ, конечно, мы услышать
Хотим, но кто его нам даст?
Не в том ль свобода человека,
Чтоб делать то, что хочет он?
В том ли, принять чтоб рок, навеки
Смириться с тем, что есть? О том

Ведем рассказ. В роскошных
Фивах

Царил Лайи, ему пророк
Сказал: «Когда родишь ты сына
От Иокасты, то сынок
Убьет тебя...» Лайи немедля
Отвез младенца к пастуху,
И скрыв, что тот – его наследник,
Сказал, чтоб рано поутру

Его не стало. Жаль безмерно
Младенца пастуху, отдал
Ребенка тот (судьба, наверно?)
Другому пастуху, когда
Дитя принес к царю Коринфа,
Бездетный царь был очень рад
Усыновить мальчика, Эдипом
Его нарек. И дни подряд

Летели, подрастал наследник,
Но стали слухи доходить –
Приемыш он... Пророк немедля
Ему сказал: «Тебе убить
Отца придется и жениться
На матери...» Эдип вскричал:
«О, Боже мой!» Он колесницу,
Уйдя из дома, повстречал.

На ней старик и слуги рядом:
«Уйди с дороги!» Угостил
Стрекалом путника. Досада,
Эдип обиды не простил,
Убил его и слуг, а кони
С испугу понеслись. Один
Из слуг удрал, сказать на воле
Погиб его как господин.

Эдип пошел же дальше. В Фивах
Он встретил чудо-птицу Сфинкс,
Она загадки говорила,
Не отгадает кто – держись!
Растерзывала их. Ответы
Хотел узнать Лайи и в путь
Отправился он за советом
К оракулу... Подскажут пусть,

Его убил кто по дороге?
Чтоб тот ослеп, чтоб тот оглох!
Эдипа Сфинкс спросила:

«Сможешь

Сказать, кто вечером на трех,
С утра на четверых, к обеду
На двух идет?» Эдип в ответ:
«То человек!» Его победу
Не выдержала Сфинкс, и нет

Ее уже, упала в бездну,
И город от нее спасен!
Эдипа просит люд любезно
На трон, и лучшую из жен
Ему вручает – Иокасту.
Креон – помощник, брат ее,
Эдипу предан. Вот и счастье
Здесь каждый получил свое!

Прошли года и вдруг на Фивы
Свалились беды: мор, падеж...
И люди все царя просили:
«Нас выручай, чего ты ждешь?»
Эдип послал Креона к старцу
Спросить, за что такое зло?
Оракул отвечал: «Остаться
Не может без ответа, кто

Убил Лаия? Тот наказан
Обязан быть!» – «Так кто убил?
Не Сфинкс?» – «Да нет...» –

Эдипу сразу

Отвечил тот. И что есть сил
Эдип вскричал: «Пусть будет
проклят,

Лаия кто убил! Найти
Его! Камней пусть сотни
Завалят все его пути!»

Не знал Эдип – себя ругает,
Лаия он, Эдип, убил...
Слепой Тиресий сообщает,
Что грешен царь, давно грешил...
Эдип в огне: «Креон, наверно,
Тебе внушает ложь старик?»
«Нет, я не лгу, Креон же верный
Помощник твой...».

Народ притих,

Шумит: «Неужто царь замешан?»
Креон с Эдипом спорят, кто
Здесь виноват? Кто вправду
грешен?

Тут Иокаста речь о том
Ведет, что, мол, пророк ошибся,
Сын наш давно уже погиб,
Лайи же то ли сам ушибся,
То ль путником убит Лайи...

«Когда? Не я ли был им? – гнался
За правдой царь Эдип, – Иди
И позови, кто жив остался!»
Гонец вбегает, впереди
Себя несет письмо, мол, умер
Земли Коринфской славный царь,
Народ поет на горя струнах:
«Вернись, Эдип, ты к нам
и правь!»

«Нет, не вернусь, пока царица
Жива, давно мне старец знак
Подав, что я могу жениться
На матери...» – «Не будет так!
Ты ей не сын родной, приемный.
Я сам тебя к царю принес...
Мне дал тебя пастух, что скромно
Стоял у пастбища...» Вопрос

Задал жене Эдип: «Не тот ли
Пастух, что при Лаие был?
Хочу узнать, чей сын я? Мог ли
Отца убить?» Но ей не мил
Весь разговор. Ей все понятно
Вдруг стало: «Не спеши, Эдип,
Все выяснять...» Но на попятный
Не хочется Эдипу. Вмиг

Старик пастух вошел, и тут же
Коринфский вестник говорит:
«Вот тот, кого я взял, кто нужен
Бездетному царю был...» Скрыть
Решил пастух, кто был убийцей
Лаия, но Эдип твердил:
«Скажи, отца кто кровопийца?»
Пастух признался: «Ты убил...»

Елена Кацюба

Эдип без комплекса

«Будь проклят я, мое рождение,
Мой брак, мой страшный грех!» –
кричит

Эдип. А в это же мгновение,
Себя казнив за грех, висит
В петле царица Иокаста.
Эдип в отчаянье сорвал
Заколку матери. Глаза – что?!
... И в тот же миг слепым он стал.

«Я не могу злодейство видеть, Себя –
злодея не могу», –
Стенал Эдип. Креон обиды
Забыл бывшие: «Помогу
Тебе я жить, ведь с болью легче
Среди родных...» Эдип в ответ:
«Креон, мне лучше не перечить,
Я умер, и меня уж нет...»

Не вижу, дети, вас, но слышу,
И плачу, дети, я о вас...
Я ухожу, под общей крышей
С людьми не смею жить...»
Тот час

Вскричал народ: «Эдип
несчастный,
Отвергнутый, слепой, больной!
А был недавно сильным, в счастье
И в славе жил, с детьми, с женой!

Куда все делось? Грех кровавый
Над бедной головой повис...
И всяк, живет сейчас кто в славе,
Пусть помнит, в миг любой
случись

Беда, так будет он низвергнут
Враз с пьедестала! Счастлив тот,
Кто жизнь прожил легко,
безбедно...»
Эдип кривит в стенаньях рот...

«...смертным надо помнить о
последнем нашем дне,
и называть счастливым можно,
очевидно лишь того,
кто достиг предела жизни, в ней
несчастий не познав».

Софокл

Правитель, добровольно отказавшийся от власти – случай в истории чрезвычайно редкий. В глазах современников он сразу обретает благородство и величие. Даже Николай II, правитель, прямо скажем, никакой, своим отречением поднялся на такую высоту, какой, несмотря на весь пиар, ему не удалось достичь при жизни. Царь Эдип был нестандартным царем. Обнаружив, что в основе его власти лежит преступление, он не только отказывается от трона, но и наказывает себя – лишает зрения.

Феномен невольного и вольного преступления, лежащего в основе власти, входит в круг интересов бельгийского писателя и психоаналитика Анри Бошо. Есть у него и пьеса о Чингисхане, и фундаментальное исследование о Мао Дзедуне. Но Эдип его интересует в другом плане – сохраняется ли харизма власти после отречения от власти? Дело в том, что в его романе «Эдип, путник» человек Эдип гораздо больше, чем Эдип царь. Царь это не просто правитель, это прежде всего идея, с которой он приходит к власти. Скажем, идея Петра – сделать Россию европейским государством, идея Александра II – отменить рабство в стране.

Но у Эдипа в книге Бошо не было ни сознательного, ни подсознательного желания стать царем. Он был воином, искателем приключений, стремящимся к познанию тайн жизни и смерти, то есть героем в античном понимании этого слова. Он проникает в лабиринт Минотавра, как в собственное подсознание. Но вместо ужасов и кошмаров находит там прекрасные сады, озера и водопады. Он влюбляется в сфинкса – Сфинксу, прекрасную женщину, и на собственном опыте познает истину другого мудрого царя, Соломона, сказавшего, что знание приносит печаль. Ответив на вопросы Сфинксы, Эдип теряет любовь и целиком оказывается во власти рока.

Став царем, Эдип совершает обычную ошибку неумелых правителей – начинает создавать сильное государство, тратя на это все силы и деньги. И только оказавшись в изгнании, лишенный земного зрения, обретает зрение истинное, черпает силы в своем подсознании – в стихии античных богов и героев. Он сам становится частью стихии, как ураган, несущийся в только одному ему ведомом направлении.

За стенами созданного Эдипом островка цивилизации экспрессивный правитель обнаруживает бескрайние земли разоренных, ненавидящих его людей, живущих по закону око за око. Бошо создает удивительный миф, историю гибели двух кланов – музыкантов и танцоров, уничтоживших друг друга из-за старинной распри. Трудно представить что-то более нелепое и трагическое, но все разборки живущих по соседству людей именно таковы по своей сути.

Автор исчерпывает в странствиях Эдипа всю античную цивилизацию с ее мудростью и красотой, жестокостью и пронзительной жалостью к несовершенному человеческому существу. В финале Эдип не умирает, а уходит в нарисованную даль – в ту античность, которую создала уже наша цивилизация, придумав эдипов комплекс. Ведь если у Эдипа и был комплекс, то проявился он в желании наказать себя за преступление, что совсем не свойственно правителям тоталитарных систем.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Doctor of Philosophy

Сидней

О Медее расскажет Медея

Две бабочки свиваются в танце над ворохом листьев, скрывающем линии на куске штукатурки, сухие тени по голубой черте, на стене на уровне глаз, в пыли под ногами. Идти по развалинам следует с осторожностью, неизвестно, что в следующем пятне — золотые листья, песок, обломки обгорелых камней, чужой сон, яма, дыра. Луна убегает за тучу, выглядывает на минуту, освещая истлевший канат, ползущий из-под листвы, как гусеница, почуявшая приближение новой жизни, которая уж не наступит, ветер прогрыз дыры в волокнах, растрепал волю на тонкие волоски, засыпал бурыми листьями крылья.

Когда начиналось землетрясение, кусок штукатурки отпал от стены, слабый раствор стал причиной падения на пол и так удержал от небытия, отделив от прочего полотно, рассыпавшегося пылью, провалившегося под землю. Трещины покрывают полустертый рисунок, змеятся от верха до низа, от одетого в белую паутину шара над плетеной корзиной, тонкие руки вцепились в белизну нитей, голова запрокинута к солнцу, рот открыт, до расчерченной плугами лоскутьев земли, внизу, между зарослями жестких кустов, тощих под ранним весенним небом, по щиколотку засыпанных прошлогодними бурыми листьями, над которыми кружит пара невзрачных капустниц.

Солнце проснулось, но скрытое склоном горы, еще не показывается на глаза обитателям города, двора, освещенного факелом на столбе, в рыжем свете танцуют последние бледные мотыльки. Внизу, под взглядом огня, непонятная куча, принимающая в переменчивом свете то очертания старика, скрючившегося от холода, то молодой женщины, готовой родить. Она лежит на спине, раскинув под колючей тканью ноги, голова поворачивается вслед прыжкам светового пятна, руки прижаты к горе живота, ходящего из стороны в сторону под скорлупкой кожи. Из-под женщины ползет ручеек ртутной воды, крови или отошедших вод, или просто мочи, если взглянуть на тряпочный куль с другой стороны, так чтобы он обернулся уродом с крючковатым носом и густыми бровями.

Во двор выходит хозяйка, она стирает суету мотыльков, гасит слабый огонь, поднимает простыню над роженицей, протягивает руку старцу, возвращая двоящемуся облику истинную природу вороха ткани, сшитой внахлест, простыни в полосы, полосы в шар, который она развешивает между столбами на восьми веревках. Солнце ей помогает, испаряя влагу с тяжелой ткани, пока она разжигает огонь под стреноженным шаром, расправляя его морщины, придавая долгожданную форму. Вот уже корзина скачет на гладких, чистых камнях. Медея улыбается и отвязывает веревку. Лучше отправляться в путь утром, когда солнце прогнало туман, ветер стих и небо безоблачно, тогда ее шар летит без рывков, ровно над полем, уже взрезанным плугом, но посевы пока не взошли. У горы ветер спадает совсем, бережно поднимая шар выше, вдоль трещин в скале, наискосок по склону, едва не задев верхушки деревьев.

Медея уменьшает пламя в медной чаше под зевом шара, позволяя потоку тепла нести ее к ущелью, где ветер

снова растет, начинает играть с ней. Она упирается спиной о корзину, вцепляется в белые канаты сети, нужно пройти горловину, как умерший летит в Аид, как беременная выталкивает младенца из ходящего из стороны в сторону чрева, как влага жизни достигает желанного крова, она несется над скалами, между острых камней, полагаясь на ветер, рожденный этой землей, ее горячей землей, и солнцем, ее прародителем, благосклонным к ней, кто день за днем разводит огонь под тряпичным шаром, поднимается, вызывая ужас людей земли, на вершину горы, чтобы вернуться домой перед закатом, на изменившемся в сторону моря ветре.

Скала в колючих цепких цветах поднимается к небу. При свете луны видно тропу ко входу в пещеру, нитка песка в кустах, однако лаз почти скрыт зарослями шиповника в россыпи багрово-черных под взглядами ночи ягод. Слабый свет лежит лишь у входа, чем дальше по неровным ступенькам, тем гуще тьма. Впрочем, ступенек немного, не больше шестнадцати, два пролета, налево от входа и далее вниз, во мрак, от поворота направо. Ступени надежные, каменные, а стены убраны плиткой, такой же, как во дворце. Рисунок на плитке: орнамент линий, окружности, соединенные вместе по три и четыре, широкие трубы, разрезанные наискосок, круги, один внутри второго внутри еще и еще одного, с точкой в центре, ровные линии волн, переходящие с плитки на плитку, подобно усам земляники. Изображение темно-синее по белому полю, мелкие подписи вокруг рисунков не видны в глубине подземелья.

Второй пролет открывается в небольшую келью без двери, где на деревянной кровати, удивительно крупной для этого места, под простыней спит девушка. Если судить по неровному, со всхлипами, дыханию, она плакала перед тем, как уснуть. Девушка лежит на правом боку, подложив обе ладони под щеку, из-под простыни наружу глядит только лицо, впрочем, лица не разобрать в темноте. Волосы, вероятно, черные, отведены назад, приоткрывая ухо. Она иногда произносит фразу-другую во сне, бессмысленный набор слов, чье-то имя, слово «олово» или «ловля». Она не слышит, как другая женщина (мать, сестра, бабушка?) склоняется над ней, поправляет простыню, кладет ей руку на лоб, тяжело вздыхает. Но ощутив родное тепло, девушка дышит ровнее, и смерть оставляет пещеру.

Медея отпирает замок и, вращая тяжелую рукоять, поднимает ткань, которая отделяет пещеру от мира.

Она входит внутрь, чтобы забрать горшок у лежащей старухи и убрать цветы, высохшие за ночь как за месяц. Вскоре она возвращается с чистым, посыпанным песком ночным сосудом и свежим букетом цветов, гиацинтов и васильков, по сезону. Помимо стоящей посреди кельи кровати с легким покрывом и столика с мазиями молодости, за которым давно никто не сидит, в пещере, освещенной солнечными лучами через дыру высоко над головами, нет ничего. Старуха спит на кровати, не обращая внимания ни на женщину, обмывающую ее, ни на столик с магическими порошками из молока коров, ни на звенящую красоту цветов, распространяющих облака ароматов.

Она лежит на спине, медленно и тяжело дыша. Легкая ткань улетает парусом в ритме ее дыхания, приоткрывая холм живота, что вздымается и опускается под покрывалом, словно волны, катящиеся по воде. Концы тонких седых старушечьих кос настороженными осьминожьими лапами выглядывают из-под ночной косынки. Острый нос с изрытыми оспой ноздрями торчит над подушкой маяком морякам, потерянным в лабиринте кровати. Левый глаз ее неподвижен, глядя в безвозвратное прошлое, а правый вращается под закрытым веком как капля ртути, словно старуха пересматривает картины прошедшей, бывшей и небывшей, жизни. Ее бледные пальцы унизаны золотыми кольцами с сверкающими камнями, у шеи – секрет. Говорят, в золотом секрете спрятан младенческий волос сына, но никто точно не знает. Со дня его смерти миновали годы, старуха давно покинула город, и уже никто из обитающих там не верит, что она жива.

Просторно в небе, уютно на земле. Время стекает со звезд на землю, по крупинке, золотом шурша под ногами, засыпая города, рощи, ручьи, деревни. Нить течет по склону горы, между кустов с алыми, созревшими к осени ягодами, по камням, в пыли, среди гусениц и упавших листьев, к озерцу, убранному по окружности белым камнем. Бронзовый журавль стоит на краю воды, следя, чтобы она текла по трубе, достигая самого дальнего домика города, самой верхней дворцовой комнаты.

В торце левого крыла дворца-лабиринта, на втором его уровне расположена комната, узкая, полтора на четыре шага, из-за этой пропорции она кажется высокой. Со стороны узкой стены из комнаты открывается вид на город, колеблющийся в полуденном мареве, на площадь, что бурлит людьми как бобами в супе, на луг, на сосновый лес, на горы с другой стороны, где дымок вырывается из-под земли.

В комнате живет молодая женщина, худая и деревянно-твердая, с волосами прямыми, как солнечные лучи в столбе пыли. Ее кожа круглый год покрыта веснушками. Она носит перстень на безымянном пальце левой руки, для нее слишком тяжелый, вероятно, принадлежавший отцу или любовнику, и перекроенный для ее узких пальцев. Она любит читать, особенно свитки о чтении, размышления о сознании, загадки, игры, фокусы и парадоксы. В доме она занята с детьми: по утрам выводит их в сад, где густ свет, и просит нарисовать дерево, море или лицо богини. Девочки обожают ее, а она не судит строго рисунки, следит лишь, чтобы на них не проявлялось сходство с кем-либо из обитателей дома. Иногда она принимается рассказывать им истории – о летающем городе, об окаменевшем царе и ожившей статуе, о пробудившемся острове, как венком окруженном морской пеной, о мертвой невесте. Говорит она с легким сипением, раздувая ноздри, с присвистом, особенно вильным, когда она произносит слова собака, коса, простор, пастих, пустыня, сплетая их в шелковую простыню.

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

ОРФЕЙ, ОР для ФЕЙ

– Вчера, безумные от страсти,
Меня,
Восстав из-под земли,

Хотели
Разорвать
На части
Вакханки милые мои...

– Умри! – кричали, –
И воскресни!
И дай нам новых свежих сил! –

Но я им спел такую песню,
Что всех мгновенно
Усыпил...

И вот – я там,
Где песни льются,
Чтоб жить...

Вакханки ж –
Благодать! –
Не могут до сих пор проснуться, –

Чтоб
И догнать,
И разорвать...

* * *

На морском берегу
Дремлет время, не зная вины...

Чайки
Громко кричат
Над обломками греческих амфор.

Горизонт бирюзов,
Он сверкает в объятьях волны –
Перед будущим, полным
Гекзаметров и метафор...

Глядя в море, плывут
Облака там и тут,
Не старея в веках, в лучшем виде...

И бредут с бодуна,
Обнимая бутылку вина,
Как ни в чём не бывало,
Навстречу – Гомер и Овидий...

Олег Федоров (Тюмень) «Танец», 2015.

Дмитрий Цесельчук

* * *

Размеренный по камням зыбким шаг,
пока волна ещё не схлынула,
и водоросли нежные скользят
песком окутаны и пеною.

Усталых волн чуть слышный перебор,
струны натянутой шестнадцатые доли,
и неба колокольчик голубой
на бледно-голубом огромном поле.

Древнеэгейские фрески

Возьмёт свирель пастух, разбудит песней стадо,
Вонзятся в небо дивные рога...
Не мраморным венком камней твоих, Эллада, –
Рисунком детским тронуты снега.

Свирель струится, медленно играя,
Пастух вдоль ноты дудочку ведёт,
И видно, как от края и до края
Просторов северных вдруг оживает лёд

Вьюнком зелёным, бабочкою летней
На васильковом бархате небес...
Но в памяти, чем выше, тем бесцветней
Колонн твоих древнеэгейский лес.

Серафим Введенский

Машинист метрополитена

Машинист метрополитена Арнольд Иванович Сталлоне
своей профессией гордится.

Он считает себя подземным доном Карлеоне,
когда сидит в кресле-качалке и вяжет спицами.

Он ходит в темных очках и со спичкой во рту.
Любит портер и темноту.
Полагает себя братом Анубиса и Харона.
О деревьях судит по корням, а не про кронам.
Когда находится Арнольд Иванович на посту –
порождает скрежет и духоту.

Он не любит сонетов,
гораздо суровей чем Дант.
Над божественной комедией действительно смеется.
И девять кругов Ада для него ерунда,
он был на тридцать первом и ему нейдет.

Для того, чтобы прикурить, спускается в самое пекло,
Медузе-Горгоне говорит: «Эй, детка!»
С Минотавром пьет на брудершафт,
играя со смертью в шахматы смело ставит ей шах.

Если смотреть на Арнольда Ивановича в упор, то его не видно, его нет.
Потому что он поглощает свет;
Потому что он живет только в нашем сознании
вне зависимости от нашей эрудиции, кругозора и познания.

Александра Заболотская

Казань

«Но звездный занавес упал
над вечной битвой тьмы и света.
Струилась Волга или Лета,
и Млечный Путь в нее впадал».
Елена Кацуба

Баллада о Волге

Мне говорят, что Волга умирает,
Но эту весть душа не принимает.
Нет. Этого никак не может быть,
И Волга, верно, будет вечно жить.
Она была когда-то быстротечной,
Свободной, независимой и чистой,
Разбрасывала по берегам беспечно
То тут, то там песок свой золотистый.
С Казанью рядом был большой песчаный
остров,

И он название «Маркиз» имел.
Мне бабушка все объясняла просто –
Маркиз де Паулюччи им владел.
И говорила, что сама его знавала,
И я, конечно, верила тому,
Сама себе отлично представляла,
Как бабушка когда-то на балу
С маркизом Паулюччи танцевала.
А по течению вверх буксиры баржи полные
тащили.

За эти баржи мы на лодке зацепиться норовили.
Компания лихая наша прокатиться так любила,
Хотя опасно это очень было.
Рабочие с баржи на нас кричали и ругались:
«Перевернетесь вы! Потонете», –
Но потонуть мы не боялись.
Мы все хорошими пловцами были
И капитана нашего за то ценили,
Что будучи умен и смел,
Аферы наши проворачивать умел.
И если бы меня спросили, я бы так сказала,
Что в жизни больше не встречала
Я радости такой опасной и прекрасной.
Прошло не менее чем тридцать лет,
И вот мы с Волгой снова повстречались.
Мы очень повзрослели, не секрет,
Но, сколь смогли, красивыми остались.
Она была, как прежде, широка,
Но как-то поубавилось в ней воли.
Течение замедлилось, река
Как будто бы солидней стала что ли.
И стало неуместно вспоминать
Шальные наши игры с нею.
Я к баржам, лодкам отношения не имею,
Теперь катаюсь я на волжском пароходе,
Одета по последней моде

По палубе гуляю не спеша.
А Волга так собою хороша.
Но вдруг на нижней палубе матрос
С собой ведро с отбросами принес
И, видно, бога не боясь,
Он в воду выбросил всю эту грязь.
Удар! Слагалось впечатление,
Что Волге наносилось оскорбление.
То Волге, да и мне, в лицо плевали.
К такому постепенно привыкали.
И мне еще не раз встречался тот матрос,
В мою он память, как заноза, врос.
От времени опять большой кусок отпал,
И что ж он нам с тобою, Волга, дал?
Мне говорят, что Волга, мол, мелеет, умирает,
И это уж теперь не удивляет.
А что удивится? Ведь в нее упало
Так много грязи с пароводных палуб,
Из дач на островках, из их сортиров рядом,
И только удивляться надо,
Что она еще не умерла
И кажется почти такой же, как была.
Да, Волга, я умру до гибели твоей,
Но от любви к тебе моей
Мне верится, что гибели не будет.
А ночью вдруг услышат люди
Небесный гром, что в ужас повергает,
И яростные молнии сверкают –
Из моря выйдет гневный Посейдон,
В объятья Волгу заключает он
И все, что Волге жить мешает,
Немилосердно разрушает,
Отбрасывает прочь. Святая ночь!
Широко море двери раскрывает,
И Волга благодарная опять в него впадает.
И, может, тут пора настанет вспоминать
Что Волга – Достояние народа,
Что много потрудилась для него.
И что за это получила? Ничего!
А красота ее служила темой для песен,
И значит вклад ее в поэзию известен.
В ответ лишь стоны – Волга умирает.
А это ведь ее несколько не спасает
И видимо спасать не станет
Она умрет и лишь о Волге песни нам оставит.

Нина Маркграф

Имя

И птицы, деревьев свирели,
нам пели. Олива цвела.
и словно букеты сирени
сирен проплывали тела

То, как на Олимпе богини,
сидели они на волнах :
копящая пена бикини
оказывалась в ногах.

Когда корабли появлялись,
алели у них лепестки.
Лобзали соблазн и бросались,
пучине их чар отдавались
и гибли потом моряки.

Так странно, так чудно, так мило
сиренью сирены цвели
над водным холмом, над могилой –
и ждали, когда корабли.

Лишь только один, из Итаки,
не переступил их альков.
Трещали канаты, но так и –
Не тронул он их лепестков.

Зачем я твержу это имя,
Раскачиваясь в гамаке?
Промчался корабль его мимо –
И брызгами по щеке.

Артём Савельев

пятьдесят на пятьдесят
да
или нет
натянулись и висят
ждут
ответ
кровотока провода
будет
свет
хоть секунду хоть когда
или
нет

кончиком взгляда тебя
коснуться
достаточно, чтобы
перестать рассчитывать
увернуться
от золота такой пробы

Каждая секунда дорогА
Каждая секунда – дорОга

Кто ей ставил
хореографию?
Шажочек –
и все во мне дыбится.
Впечаталась в сердце
фотографией,
танцует, и как в зеркало
лыбится.

выросло счастье
посреди дороги
не знаешь
с какой стороны подойти
хожу кругами
ватные ноги
ни мимо пройти
ни зайти

Олег Федоров (Томень) «Делия», 2014

Елена Атланова

Ташкент

РАЗГОВОР ЗА ЗАВТРАКОМ

Угодившая в лабиринт дебелая гусеница
долго и путано спрашивала дорогу
к истинному совершенству
у местного минотавра
но так и не поняла
какой стороны
ей держаться
правой ли
левой
ли

Чтобы потом найти выход из западни
она выдавливала из нежного нутра
словно из тюбика с зубной пастой
шелковистую нить Ариадны
однако так измоталась
что на возвращение
уже не осталось
никаких
сил

Обреченная гусеница
смотала кокон
окуклилась
и заснула

...
Прикинь
как из лабиринта
легко было бы взлететь
уже совершенной
бабочкой?

И вообще
знаешь милый
не минотавр меня!

И в следующий раз
столь рано –
не буди

Игорь Крестьянинов

ДООС – ижезавр

Ижевск

МИМО

В книжном магазине «Рифма»
– скупка драгоценностей и злата.
Не сбивайся с правильного ритма.
(Этим ведь душа твоя крылата?)
Плюнь на все! Но горестно плюется
В это забубенное колодце.
Выступал когда-то в этой «Рифме».
Девочки сидели, аки нимфы.
Умные. Мне хлопали в ладоши.
За окном хрустела первая пороша.
В джинсах. Все красивые до боли.
(Ты поэт, вообще-то, а не кролик,
Начинающий, но смелый алкоголик).
Все читал и пел. Не выбрал никого.
(Одиночеству по юности легко).
Нравился кому-то... даже очень.
(Эх, мои незротические ночи).
Что жалеть? В том магазине «Рифма»
Скупкой старая владеет нимфа....

Сардор Азизов (Ташкент)
Коллаж «Лабиринт»
(с использованием работы
Марка Ашкенази).

Олег Федоров

Тюмень

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ

(Разговор Поэта и Менады)

Я чувствую как люди каменеют
А статуи напротив говорят
(В живых осталось только тридцать три)
И сад запущен зеленеют сливы
Зато в ладонь мою упал инжир

Вчера спросил я у одной Менады
– Как там в Афинах? Что же будет дальше?
Она ответила
– Сплошной дефолт
И Рим падёт
И тут же снова встанет
Второй и третий и четвёртый пятый
Богинь безруких выставят в музеях
И сувениром станет Парфенон
Сатиров скупят аукционисты
И иберийское – такая гадость
Ценой теперь два барреля за литр
Рассержен Бог войны – Арес угрюмый
И к ночи опустеет Колизей

Руины превратятся в экспонаты...

И демократ и патриот – все лягут
В садах Семирамиды
Лягут рядом
Лицом к лицу
копьё к копыю
Мечта к мечте
И эллины
И иудеи
И дети гордых северных племён
Все будут вместе
Под одной постелью
Из ландышей и пепла
Мрачно спать
Пока не призовет их
Громовержец
На суд последний...
– Думаешь?
– Я знаю
Кассандра мне поведала об этом
Её сожгли на площади
Вчера
В Дахау ли
У Трои древних стен...

– И нет надежды?
– Есть
Услышать небо
Друг друга вспомнить
И о том что место
Для каждого найдётся на Земле
И под землёй
Кто этого достоин –
И там в Эдеме...
Позабыть о распрях
Пока народы все не примирятся
И человек забудет о наживе
И перестанет гавкать словно пёс
На хвост соседа
И давиться злобой
Исход один – Танатос у дверей
Не ядерный
Не Ахиллесов
Ни Меч ни Щит
Увы нас не спасёт
Все, все уйдут в Аид...
– Останутся ль Орфей и Эвридика
Беззвучно плакать
И играть на флейте
Чтобы последнее отдать ушедшим?
– Нет Даже их не будет
– Забыть о распрях примирится вспомнить...?
Утопия...
– Тогда молитесь небо

Кто знает?
Может сжалится Олимп

28.07.2015

Алла Ивашинова

Санкт-Петербург

* * *

Миф о кентавре:
просто лошади делают честь.
Подкову найти –
обрести не что-нибудь – счастье.

Кентавру о счастье
ничего не известно.
Сердце его человеческое
наполнено дикого зверя кровью.
Он как бы мост
между прошлым и будущим,
или же смесь
всех живших, живущих
и недоделанных.

Обмана соблазны,
медных быков мычанье,
предсказание сфинкса
о местах мироздания –
уходы в проём мечты совершенства.

* * *

Контур лабиринта –
древнего мира кусок,
отголосок мрачного сновиденья,
где человеческое обличье
с головою быка
гонится за тобой –
и попадаешь в тупик.

Этот ужас и удушающий запах,
бег по узкому коридору,
и снова – тупик.
Яркой линией видится
нить Ариадны –
как твоё назначение,
как сияющий пик.

Опять ты бежишь,
стенку лбом прошибаешь.
Умер ты или жив?
В памяти прикосновенья ужас,
в памяти страх, он остаётся в пыли.
Не дыши.
Сильнее зажмурь глаза.
Это всего лишь азы
постижения мира.

Александр Федулов

Пергамским пчёлам

Мёдом заливается перга –
Пыльца цветов божественных и щедрых;
И не страшна законная пурга
Ни ныне, ни в веках пещерных.

И в нашем роде были встарь
Божественные мастера;
Свою «пыльцу» на общий наш алтарь
Они несли... et cetera.

Но время сказку обращает в быль.
И мрамор вопиёт и кровотоцит:
Неужто мир дошел уже до точки,
Когда «пыльца» размалывается в пыль.

Кристина Зейтунян-Белоус (Париж) «Кентавр»
(бумага, смешанная техника).

Ольга Журавлева

ДООС – стрекожур

ПЕРЕХОД

Расстроившись, рассыпавшись на атомы,
Собравшись целиком в другом пространстве,
Перенимая вогнутую тишь, как мышь подземные миры,
Мечта, презрев-преодолев воздействие кармической игры –
Очнётся-развернётся в постоянстве
Предлога сотканного из былого-прошлого, и
Переполюсовив встревоженный рассвет
Сбежит со всей решимостью из брошенного,
Себя с беспечностью отождествляя с правдой, нет –
С редчайшим даром счастья избежать норы.
И свет, сорвавшийся вдогонку с вершин прохладногордых,
ДА-будет неотложно вырывать из тьмы полёт свободы.
Переход – разметкой пешеходной –
Судьбы не перейдёт...

О'Санчес

Санкт-Петербург

Лирик Одиссей и ослепленный Полифем

Я Одиссей, я миф, я перекасти-поле.
Я профессиональный стремленец к родным Итакам.
Послушай... ты слышишь?.. Кричит Полифем,
чем-то там недоволен!

Знай, это мне
Удалось растворить в огне
Горсточку мрака!

К радости

Три девы вечно юные однажды
Ко мне пришли, поспорив меж собою,
С тем, чтобы спор их жаркий и веселый,
Я рассудил по совести и чести:
Кто ветренее всех из них троих?
И я решил, поклон отвесив каждой,
И возложил венок непостоянства
На голову достойнейшей из дев...
Любовь, Удача, Радость – все прекрасны!
А победила та, что первой убегает
Из хоровода трех волшебниц юных!
О, Радость!

Александр Гумённый

ДООС – пауэрзавр

Новокузнецк

Оно пришло

суть слегка торкнула
сливаясь живительными
струйками на пафос осознания
кармической отработки
инсталлируя любовь
истуканами пространственной
воли неисполнения

Иногда

если вдумываться
и вглядываться
в слова
повторяя звук
и
представляя значение
иногда
они становятся
чужими
и непонятными –
являя таинство
странных сочленений
и смыслов
стоит ли сомневаться
в произнесённом

Грусть скрипки

/К.А. Кедров/

красота вернётся в скрипку
только ли со смычком
может скрипка
просто вспомнит
себя ветвями
большого дерева
и поплачет годовыми
кольцами спиленного ствола

Татьяна Виноградова

СРЕДИ РУИН И МАРГАРИТОК

(Нимфеон)

Когда в Москве
я спускаюсь
под землю,
то это –
переполненное,
даже в полночь,
метро,
всё в мраморе
и засиженное
бомжами,
грохочущее вагонами
и шелестящее рэповой музычкой
из наушников соседа с дредами.

– Брат! – кричу я ему. – Ты меня слышишь? –
Знаешь, брат, что я тебе скажу? Я хочу выйти.
Выпусти меня, брат!..

...Когда в полдень на акрополе города Родоса
я спускаюсь под землю,
то это – Нимфеон.
Там, среди крупных, похожих на ромашки,
греческих
маргариток
среди этих белых, диких, невинных цветочков
серые камни стоят – в ржавчине лишайника,
в патине времени.

...Полуразрушенная лестница. Буйство весенних
трав. Известняковые своды грота увешаны тенями
и прохладой, оплавлены медлительным огнём
тысячелетий.
И с каждой ступенькой всё тише вокруг.

...То есть на акрополе в апреле и так тихо, вместо
туристов – цикады да ласточки, да ещё ящерики –
иногда. И все они, слава богам, говорить не умеют.

Но тут, под этими сводами,
тишина тяжелеет,
клубится,
стучается.

Я пью тысячелетний настой тишины.

Нимф пока не видно. Вот, что-то такое
мелькнуло, какая-то тень, на краю зренья.

Будем считать, что ящерица. Ну да, ящерица,
конечно. «Ящер, больше ничего» – «this it is and
nothing more». Но лучше, пожалуй, вернуться. А то
здесь, внизу... холодно как-то.

Жара. Ветерок. Никого.
Раскалённое белое небо.

Мелкие лиловые цветочки (фиалки – не фиалки?)
выстилают круглую лужайку у входа в святилище.
И качаются под ветром маргаритки.
А здесь они танцуют, – ни с того ни с сего
подумалось мне. – Поздней весной, под полной
луной, – и шепчут свои наивные заклинания,
обрывая бледные лепестки:

«М'агапá ден м'агапá...» – «Любит – не любит...»
Каждой девочке, что на Родосе, что в Москве,
известно это колдовство. Правда, ввиду нехватки
маргариток, нам в России приходится гадать
на ромашках.

«Они» – танцуют – здесь?
Кто?! – Нимфы? Призраки? Жрицы?..

*«Здесь мы танцуем, здесь,
на плодоносной, тяжелой земле,
в полдень, под белым покровом небес
в полночь, под полной луной, и во мгле,
Скоро увидишь, скоро поймешь,
скоро весне конец!»*

Что?.. Что такое? Ветер, больше ничего.
Кстати: а маргаритка по-гречески так и будет:
«маргарита» – жемчужина.

О, танец нимф в зачарованном круге!..
И сплетались гирлянды маргарит, эвридик
и офелий... Жемчужные, нежнейшие создания,
они скользят над облачком фиалок-нефиалок,
такие юные... Увидеть бы!

Но нет – мне досталась лишь горячая тишина.
И, в тишине, – шелест:

*– Мы старые, старые, немощные, все нас
позабыли!*

*Никто не любит нас больше,
никто не оставляет нам подношений...
И мы голодны!*

*– Дай, дай, дай нам своё сочное красное
яблоко!*

Оглядываюсь. На холме – ни души. Лишь
вдали – пастух и коровы, и дорические
колонны. И ветерок так жалобно свистит среди
руин и маргариток... Эта жара сводит меня с ума!..
Осторожно кладу яблоко на древний серый
камень.

Шорох. Шелест. Ласточки. Цикады.
...Вот, опять голоса. Такие тихие:

*– Мы теперь старые, мы теперь уродливые!
Никто больше о нас не помнит! Никто, никто!
И даже маргаритки отворачиваются,
когда мы спрашиваем у них: «M'agapá ден
м'agapá...»*

*Но это с нами, с нами танцевала Эвридика!!!
– А ты пришла! Ты к нам пришла сама!
Дай, дай, ДАЙ нам твоё красное тепло!*

...Эври... дика.

Дико болит голова.

Ой.

А солнце-то к вечеру!

Что я здесь делаю, совсем одна,
среди руин и маргариток?

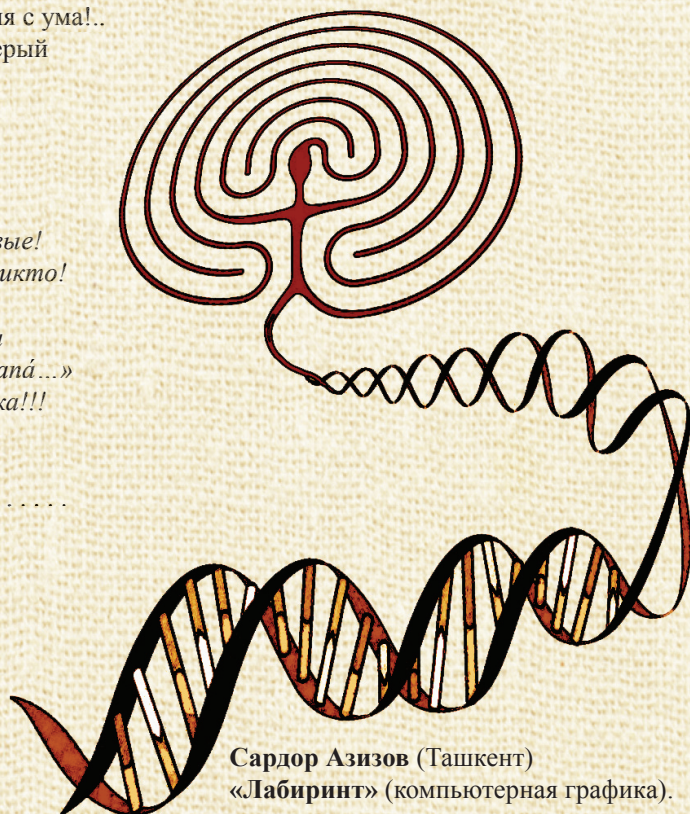
Наталья Рожкова

ЕФРОНИЙ (?) «ПРИЛЁТ ЛАСТОЧКИ»

Пелика лёгкая
краснофигурная ваза
здесь нарисованы
юноша, мальчик и муж
радостно смотрят на птичку
чей хвостик раздвоен
– Вот она...
– Правда, Гераклом клянусь...
– Что ж — весна...
только не просто
глашатай весёлого солнца
ласточка эта
душа их умершей сестры

ПОЭТ

Последний день Помпеи. В плащ закутан,
Стоит спасённый отрок, и глядит
На зарево, руины, мёртвых лица...
Он вырастет. В своих стихах бессмертных
Поведаёт об этом – и сгорит
Через века – в последний день Одессы.

Сардор Азизов (Ташкент)
«Лабиринт» (компьютерная графика).

Сократ на стене театра им. А.С.Пушкина в Москве на Тверском бульваре, май 2015 г. Фото Елены Кацюбы.

Виктор Коллегорский

Подражание древнегреческому

Зря нас, поэтов, бранят, что без всякой мы логики пишем.
 Логика есть и у нас – вот вам ее образец.
 Люди, по общему мнению, все до единого смертны.
 Если Сократ – человек, смертен, конечно, и он.
 Вывод тогда лишь бесспорен, коль так же бесспорны послышки.
 Кто ж нам докажет их верность – может быть, тот же Сократ?
 Будь и Сократ, не докажешь ты правильность главной послышки –
 Нет доказательств, пока жив хоть один человек.
 Вот хоть Сократ, например, до сих пор еще жив, а не умер.
 Кто его знает, а вдруг он никогда не умрет.
 Так никогда, я боюсь, не решим мы нашей задачи.
 Не подойти ли к ее решению с другого конца?
 Если Сократ – человек, то он, по условию, смертен.
 Да, но ведь он еще жив – так человек ли Сократ?
 Это нетрудно проверить – дадим ему выпить цикуты.
 Если подействует яд, значит, Сократ – человек.
 Выпил. Подействовал яд. Но опять нас терзают сомнения:
 То, что Сократ – человек, ясно. Но люди ли мы?
 Впрочем, и это суждение нам также нетрудно проверить:
 Вот в изобилии яд – выпьем его, как Сократ.
 Если, подобно Сократу, и мы все умрем от цикуты,
 Значит, мы все были люди – в этом сомнения нет.
 В миг, как последний умрет, силлогизм наш будет доказан!
 Жаль, не найдется никто доказательство это постичь.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

ИЗ БЕСЕД С СОКРАТОМ

Сократ!
 Какая несправедливость!
 Я наблюдаю по телевизору
 за всем миром, я прочел
 больше всех вместе взятых
 философов, и порой мне
 кажется, что мои знания
 уже давно опережают
 знания Бога.
 Я переписываюсь
 по Интернету со всем
 человечеством, но оно же
 и смеется надо мною, зная,
 что я ничего не знаю...
 Сократ!
 Ты простой житель
 античного сельсовета,
 а я человек глобального
 периода технической
 цивилизации, но мы оба
 знаем по-прежнему, что
 ничего не знаем!
 А ты не знаешь еще больше —
 ведь ты не знаешь даже меня!

Алиса Клио

Санкт-Петербург

Стикс

Сквозь тёмные провалы снов,
За горизонтом разума,
Презрев каноны всех основ,
Непостоянство празднуя,

Течёт могучая река
И волны злые, шумные
Толкают в спины облака,
Как стадо неразумное.

А если глянуть с высоты
В глубины те бездонные,
В волнах покажутся черты
Неумиротворённые.

И путник, что на склоне дня
Достигнет этих вод,
Увидит: здесь же, на камнях
Вскипает смертный пот...

... но путник только о своём –
Вздохнёт – и в лодку. Пусть:
Чем тяжелее был подъём,
Тем проще будет спуск.

Уж слишком лодочка легка!..
И вскоре, как назло,
Из волн потянется рука
И схватит за весло.

И в тусклом голосе укор
Ударит, будто нож:
«Друг мой, к чему наперекор
Течению плывёшь?»

01.10.10 / 29.07.15

Сын Венеры

Веки отливают перламутром,
Губы цвета бледных кораллов.
Когда он спит у груди,
Лицо в молоке, как в пене морской,
Он кажется сыном богини.

10.07.2005

100 лет Черному квадрату

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Черный треугольник, или Памяти Казимира

1.

бросить черный квадрат с парохода современности

да здравствует черный треугольник
черный треугольник страсти любви нежности
жизни
нового

смысл и логика в искусстве отвратительны как власть

черный треугольник это счастье
это геометрия продления рода
бессознательного хочу
честного чувства
чуда
нестройного лепета
трепета
бормотания
обладания
созревания

мироздания

черный треугольник на самом деле не только черный
он в частности алый
волшебный
волшебный

2.

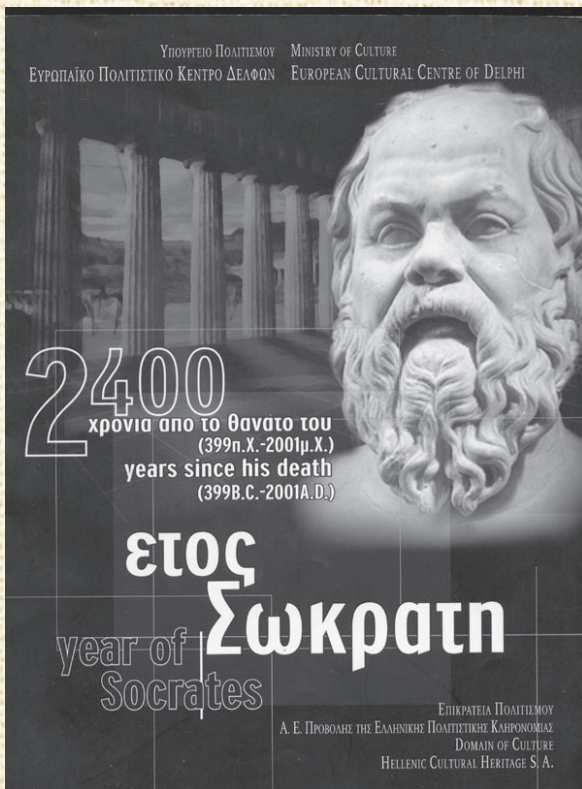
квадрат квадратович напасти
истощный похоронный вой

а черный треугольник страсти
и сладострастный и живой

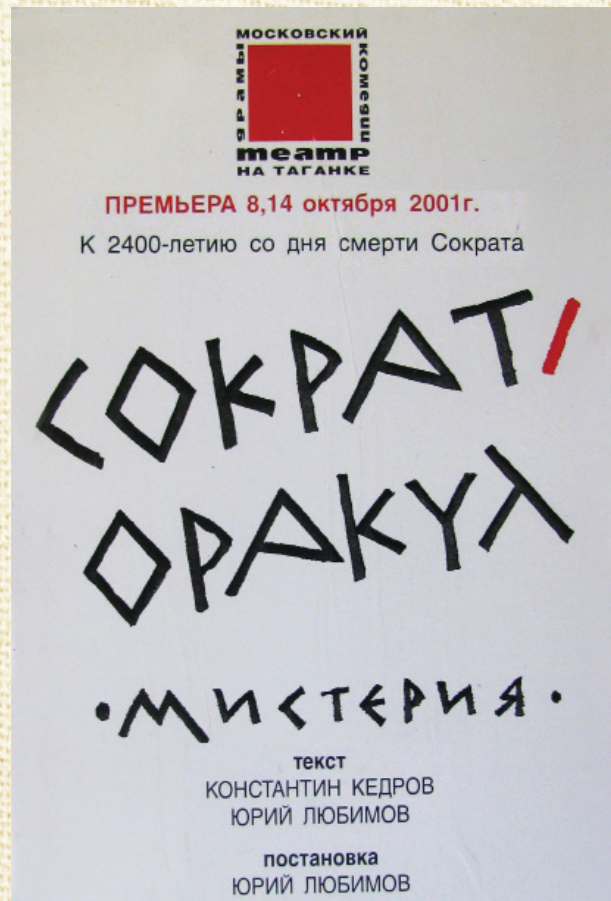
здесь геометрия нетленки
здесь жизнь которой краше нет

волшебные-алые оттенки
имеет этот черный цвет

«Η μύηση του Σωκράτη» (The Initiation of Socrates)
 Tuesday, 17 July, Museum of Delphic Festivals
 Saturday, 21 July, Roman Forum

СОКРАТ / ΣΩΚΡΑΤΗΣ / ΟΡΑΚΟΥΛ ΧΡΗΣΜΟΣ мистерия мистήρια о жизни и бессмертии

К 2400-летию со дня смерти Сократа

Текст: Константин КЕДРОВ, Юрий ЛЮБИМОВ
 при участии: Б.БРЕХТ, И.БРОДСКИЙ, И.В.ГЕТЕ,
 Е.КАЦЮБА, М.ЛЕРМОНТОВ, А.ПУШКИН, И.ХОЛИН,
 Л.ХОДАСЕВИЧ
 в спектакле звучат мелодии песен В.Высоцкого и Б.Окуджавы

постановка: Юрий ЛЮБИМОВ, **композитор:** Владимир
 МАРТЫНОВ, **художник:** Татьяна ЯН, **руководитель**
хора: Андрей КОТОВ, **сценическое движение:** Андрей
 МЕЛАНЬИН

в спектакле участвуют:
СОКРАТ - Феликс АНТИПОВ; **АРИСТОФАН, МИЛЕТ** - Тимур
 БАДАЛБЕИЛИ; **ПЕВИЦА** - Анна БУКАТИНА; **АСПАЗИЯ** - Анастасия
 КОЛПИКОВА; **КОРИФЕЙ** - Андрей КОТОВ; **ПРОТАГОР** - Александр
 ЛЫРЧИКОВ; **КСАНТИППА** - Лариса МАСЛОВА; **КСЕНОФОНТ** -
 Андрей МЕЛАНЬИН; **ПЛАТОН** - Дмитрий МУЛЯР

Помощник режиссера - Ю.Ермаченко, свет - А.Демчева, радио - В.Граков,
 монтировка - М.Савинков, Ю.Шмелев, А.Конкин, П.Куприянов, текст программы -
 К.Кедров, графический дизайн - Т.Ян, верстка - М.Сапунов

2001 год по решению ЮНЕСКО объявлен годом Сократа
 Совместный проект Театра на Таганке и Европейского Культурного Центра в Дельфах
 Премьера состоялась 21 июля 2001 года в Афинах

Мужественный **Сократ** участвовал в трех сражениях. В перерывах между битвами он ходил по базару, закупая провизию, пировал с друзьями и философствовал. Философии его обучала мудрая **Аспазия**, в беседах участвовала прекрасная **Диотипа**, а женой **Сократа** была сварливая **Ксантиппа**.

Ученик **Сократа** - **Платон** - назвал эти беседы духовным пиром.

Дельфийские жрецы нарекли **Сократа** самым мудрым из смертных и богоравным.

Потрясенный честью, которой не удостоивался никто из смертных, **Сократ** сказал: "Я знаю то, что ничего не знаю, а другие и этого не знают". Это был ответ на надпись в месте посвящения в Дельфах: "Познай самого себя".

Сократ поведал **Платону**, что тело - это только доспехи, защищающие бессмертную душу. За эту крамолу Ареопаг Афин приговорил **Сократа** к изгнанию или к чаше с ядом.

Семидесятилетний **Сократ** выбрал чашу.

Это произошло 2400 лет назад, за 400 лет до чаши **Христа**.

Перед смертью **Сократ** пожелал отведать куриного бульона и велел **Платону** отдать врачу петуха, свой последний долг.

Сварливая **Ксантиппа** покинула страну.

Аристофан высмеял философию **Сократа** в комедии "Облака".

Платон, потрясенный гибелью учителя, стал философом...

Константин Кедров и Юрий Любимов на репетиции спектакля «Посвящение Сократа» в Театре на Таганке во время подготовки к поездке в Грецию. Фото Виктора Великжанина.

Константин Кедров

2400 лет назад великий философ Древней Греции, приговоренный к смерти афинским ареопагом, выпил чашу с ядом. Семидесятилетнего Сократа обвинили в безбожии и растлении молодежи. Потрясенный смертью учителя молодой Платон стал философом, чтобы во всех подробностях передать в своих трудах учение Сократа. Самого Сократа обучала философии мудрая Аспазия. Он также дружил с прекрасной Диотимой и был женат на сварливой Ксантиппе. Все три дамы действуют в нашей мистерии.

Генеральная репетиция прошла в Дельфах, где когда-то оракул устами трех пифий-прорицательниц нарек Сократа богоравным и самым мудрым из смертных. Вместе с участниками спектакля я был на том месте, где произошло это удивительное событие. У подножия гор, окружающих Парнас, напротив горы Геликон, где обитали музы, находился дельфийский оракул. Во времена Сократа там была надпись: «Познай самого себя». Став богоравным, Сократ произнес: «Я знаю то, что ничего не знаю, а другие и этого не знают». Здесь же, повыше в горах, протекал когда-то Кастальский ключ, воспетый невыездным Пушкиным, который никогда не был в Греции.

К сожалению, Кастальский источник давно иссяк, и даже тропа к

27 июля 2001 г.

нему завалена камнями. Зато Парнас, на котором ныне пребывают Пушкин вместе с Гомером, выглядит весьма величественно, и вершина его окружена облаком, скрывающим богов и поэтов.

Целую неделю труппа репетировала на площадке возле дома великого греческого поэта Сикелианоса. Этот дом настолько похож на домик Волошина в Коктебеле, а Коринфский залив так напоминает коктейльский, что невольно возникла мысль: не скопировал ли Волошин свой дом с дома Сикелианоса. Но, оказалось, греческий поэт построил свой дом намного позже – в 20-х годах. Так же, как и Волошин, он увлекался древнегреческими трагедиями и разыгрывал их на сцене возле своего дома. Здесь и прошла генеральная репетиция. А премьера мистерии состоялась в Афинах, среди сохранившихся мраморных колонн, под сенью парящего в высоте Парфенона, и завершала Сократовский фестиваль, который длился дней двенадцать. В Греции Россию представляли театры Любимова и Васильева. Васильев затребовал бочку с красным вином, в которую собирался нырять. Мы при этом событии присутствовать не мог-

ли – каждый день был отдан репетициям.

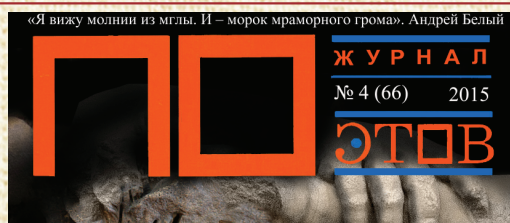
Мистерия ставилась и была написана в предельно сжатые сроки, и порой казалось, что эта задача просто невыполнима. Однако зрители Дельфы и Афин полностью опровергли наши сомнения. Их живая реакция на все, что происходило на сцене, при том, что действие шло на русском языке, а греческие титры не очень четко читались, лишний раз подтвердила, что язык театра – это прежде всего пластика и интонация. Цистерны с вином у нас не было, но был бассейн с водой, в котором Сократ видел отражения Платона, Аристофана, Ксантиппы, Аспазии, но никогда не видел себя. И только в один момент у Сократа появилось отражение – когда он задумался о чаше с цикутой. Дело в том, что в нашей мистерии сведены воедино два события: приговор в Афинах и посвящение в Дельфах. А сама мистерия есть не что иное, как предсмертное видение Сократа.

Репетиции Юрия Любимова, честно говоря, не менее интересны, чем сам спектакль. Три основных принципа его эстетики: ничего напрямую, все в меру и все конкретно. Однажды прозвучала фраза, от которой рухнуло бы в обморок все наше театроведение: «Театр не терпит условностей». Сократа играл Феликс Антипов, действительно похожий на своего героя. Это отметили все. Русский Сократ оказался самым сократическим.

Издательство
ДООС
Маргариты
Аль

meta.al@yandex.ru
http://www.doosclub.ru
тел. +(926) 524 56 62
тел. +(985) 389 11 22

Журнал ПОЭТОВ № 4 (66) 2015
«ПОД МРАМОРНЫМ НЕБОМ»

Учредитель, идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Главный редактор
доктор философских наук Константин Кедров
Редакционный совет:
Е.Кацюба (ответ.секретарь); В. Ахломов;
С.Бирюков – доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов – доктор филологических наук (Курск); профессор В.Вестейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук; Э.Гусейнов – кандидат исторических наук; К.Ковальджи;
А.Кудрявицкий (Ирландия); Б.Лежен (Франция); В. Нарбикова.

Макет номера – Елена Кацюба
Верстка – Николай Лазарев

На 1, 2, 3, 4 стр. обложки – композиции Андрея Александра (Мюнхен / Москва).

Номер подписан в печать 22.09.2015

Адрес в интернете: Литмир Журнал ПОЭТОВ
http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742
e-mail – fly-1@mail.ru

Композиция Андрея Александрера.

«Плоть твоя слишком мраморна, каменный бог,
В ней нет сердца и нет сострадания,
И апостольский посох твой камень рассек,
И обрушилось светлое здание».

Константин Кедров

Композиция Андрея Александрера.